

ИСТОРИОГРАФИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 г.:

актуальные вопросы современной историографии

Материалы «круглого стола»

«Круглый стол», организованный Институтом всеобщей истории РАН (ИВИ) и Российско-французским центром исторической антропологии им. Марка Блока РГГУ в преддверии 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. прошел 20 апреля 2011 г. в РГГУ под председательством д. и. н. А.В. Чудинова. Инициаторами мероприятия выступили доктор истории Э.М. Вовси (Институт Наполеона и Французской революции Государственного университета Флориды, США) и Н.В. Промыслов (ИВИ). Участники имели возможность заранее ознакомиться с текстом вступительного доклада Э.М. Вовси и комментарием к нему заведующего кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, д. и. н. В.Н. Земцова. Из-за недостатка места мы вынуждены отказаться от публикации дискуссии, последовавшей за выступлениями участников «круглого стола».

Настоящая публикация подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов»

QUI NON PROFICIT DEFICIT

(о некоторых направлениях по изучению эпохи войны 1812)

Э.М. Вовси

История вторжения Наполеона в Россию в 1812 г., именуемого в разных исторических текстах «Русская кампания», «Отечественная война», «Вторая Польская война» – согласно национальной принадлежности и предпочтениям авторов – давно уже стала классической

темой мировой историографии. Вокруг нее сломано немало копий, написаны сотни больших и малых трудов, некоторые, буквально по горячим следам, уже в 1813–1814 гг., однако число таких работ будет, несомненно, и дальше расти в связи с предстоящим 200-летним юбилеем.

В этой связи мне хотелось бы обратить внимание на некоторые аспекты, до сих пор требующие, полагаю, дополнительного рассмотрения. До недавнего времени специалисты изучали в основном оперативные планы противоборствующих сторон, накопление и использование ими военного потенциала и, наконец, стратегические операции и выполнение тактических решений в отдельно взятых сражениях. Однако современный подход, основанный на системе микро- и макроанализа, ставит перед историком новые задачи – выявить, что, собственно, война 1812 г. значила для общества в целом и для отдельно взятого маленького человека, оказавшегося в гуще тех памятных и трагических событий. В разработке этой тематики историкам, работающим по обе стороны Атлантики, необходимы: а) широкое вовлечение в научный оборот архивных источников по периоду 1810–1812 гг., б) знание и критический анализ новейшей специальной литературы, в) совместные издательские проекты с привлечением специалистов по вспомогательным дисциплинам и организация международных конференций.

Моя цель – дать краткий обзор некоторых направлений, наметившихся за последнее десятилетие в «западной» – английской, французской и американской – науке при разработке сюжетов, так или иначе связанных с 1812 г., и очертить возможные перспективы совместной работы с российскими коллегами. Ведь внимание историков сегодня привлекает уже не столько собственно война 1812 г. с ее строго очерченными географическими и хронологическими рамками, сколько вся породившая ее эпоха, включая предшествующее развитие России и Франции с их экономическими, политическими, социальными, военно-административными и культурными особенностями.

Если проанализировать круг известных современным историкам архивных источников, то, без сомнения, ведущие российские хранилища (РГАДА, РГВИА, АВПРИ и др.) содержат достаточное количество документов для разработки целого ряда аспектов данной темы, например, для изучения военного потенциала противоборствующих сторон. Частная переписка, рапорты командования, полковые реестры и трофейные французские документы – весь этот материал так или иначе постепенно вводится в научный оборот, и последние работы рос-

сийских историков прекрасное тому подтверждение¹. С определенным набором этих документов – в основном с микрофильмами архивных дел ВУА, находящимися в Библиотеке Конгресса США – работали и некоторые западные историки, как, например, Фридрих Каган, исследовавший военные реформы в России первой половины XIX в.²

Что же касается французских архивов – в частности, Национального архива (A. N.) и Военного архива сухопутных сил в Венсенне (SHD/DAT), – то на сегодняшний день этот огромный комплекс документов используется западными историками лишь фрагментарно. Дело тут частично в том, что многие материалы по истории вторжения Наполеона в Россию в 1812 г. – например, в SHD/DAT – рассредоточены по разным фондам: хранятся в составе полковых дел, отдельно составленных тематических групп (например, по генералитету, императорской штаб-квартире или гвардии) и в общей корреспонденции Наполеона. Исключение составляет небольшая серия С² (Campagne de Russie), куда входят многочисленные документы высшего командования Великой армии, сводки о составе частей на 2 и 3 сентября 1812 г., отчеты о количестве войск, во время проведения смотров в Москве в октябре, а также перехваченные французами бумаги русского генерала Ф.-В. Остен-Сакена (3-й Обсервационный корпус)³. В другой серии, хранящей личные досье французского генералитета, также нашлось место для дел М.Б. Баркляя де Толли, Л.Л. Беннигсена и ряда других российских военачальников⁴. Далее, в многотомной серии 1X, собрана личная переписка Наполеона с Военным министерством (генерал Кларк, 1807–1814) и Министерством военной администрации (генерал Лакюэ де Сессак, 1810–1813), отражающая динамику формирования, снабжения и передвижения Великой армии. Многие документы из этой переписки – декреты, распоряжения и личные указания – вошли в знаменитую 32-томную «Корреспонденцию Наполеона» (1858–1869). Например, в одной из книг серии 1X содержится оригинал письма императора французов от 16 марта, адресованного Военному министру, о

¹ Целорууго Д. Г. Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения. М., 2002; Попов А. И. Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002; Отечественная Война 1812. Энциклопедия. М., 2004; Ульянов И. Э. 1812: Русская пехота в бою. М., 2008; Ивченко Л. Л. Бородинское сражение. История русской версии событий. М., 2009; Земцов В. Н. 1812. Пожар Москвы. М., 2010; и др.

² Kagan F. W. The military reforms of Nicholas I: the origins of the modern Russian army. N. Y., 1999.

³ Некоторые документы из этих фондов позднее вошли в работы: Chuquet A. 1812: La Guerre de Russie: notes et documents. P., 1912; Idem. Inédits Napoléoniens. P., 1913; Fabry G. Campagne de Russie 1812. Operations militaire. 5 vols. P., 1900–1903.

⁴ SHD/DAT, series ETR 16YD 14 (Barclay de Tolly); 16YD 20 (Bennigsen); и др.

том, что начало операций по вторжению в Россию назначено предварительно на 1 апреля 1812 г.⁵

Что же касается Национального архива, то тут нужно отдать должное той аккуратности, с которой его работники сохранили документацию, относящуюся к эпохе войны 1812 г. Прежде всего, это большая коллекция частных архивов участников кампании 1812 г. в серии AP (Archives privée), куда входят бумаги семейств Колленкур и Сегюр, маршалов Л.-Н. Даву, М. Нея, неаполитанского короля И. Мюрата, секретаря Наполеона барона А. Фэна и пр. Однако самый большой объем документации содержит фонд П. Дарю – главного координатора военной администрации наполеоновской Империи. Фонд содержит более 360 дел и включает, помимо всего прочего, проект Военного кодекса армии (1805) в семи больших книгах⁶, на основании которого в 1812 г. был построен свод военного законодательства Первой империи⁷. Не менее важна и серия AF IV, содержащая всю исходящую корреспонденцию Наполеона и включающая хронологический перечень всех декретов и распоряжений, рассылавшихся затем секретарями императора во все концы – «от Тахо до Вислы», а также в Америку и немногочисленные французские колонии. В этой серии также находится и корреспонденция по реорганизации Главной императорской квартиры в Вильно, проведенной в первые недели войны, сводки о производствах и награждениях (в частности, в Москве), приказы на день и пр.⁸ Все эти и многие другие архивные источники еще не стали предметом комплексного научного анализа и вводились в оборот весьма выборочно.

Хочу коснуться также темы разнообразия новых сюжетов исследований, выбираемых современными авторами. Известно, что при описании подготовительных мер к кампании 1812 г. и самих военных действий исследователи из различных стран, работающие в самых разных направлениях, привыкли во многом сверяться с многотомными «классическими» трудами прошлого – Г. Фабри, Л. Маржерона, А. Шюке, Ж. Шамбре, Л. Морвана и др., вобравшими в себя все известные на тот момент опубликованные источники, а также с богатой мемуарной литературой непосредственных участников похода, не подвергая опубликованный – зачастую более 100 лет назад – материал дополни-

⁵ Отрывок текста из означенного декрета от 16 марта 1812 г., помещенный в серии 1X 179, точно соответствуют Correspondance de Napoléon. N° 18589, T. 23. P. 324 (“L’expédition devra avoir lieu au 1 avril”).

⁶ A.N., Project de Code militaire et redaction 138 AP 17–22.

⁷ Berriat H. Législation Militaire ou Recueil Méthodique et Raisonné. 4 vols. Alexandrie, 1812.

⁸ См., например: A.N., Série AF IV. Secrétaire d’État Impériale (1812), 671–686; 1643– 87.

тельной проверке. Нередко вне поля зрения военных историков остаются современные исторические работы, освещающие эпоху 1812 г. не только в военно-операционном плане, но и рассматривающие социально-политические отношения.

Российская историография войны 1812 г. известна на Западе, и в частности в Америке, в основном, по «классическим» работам – книге Е.В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию» (переведена на английский в 1942 г.) или Л.Г. Бескровного «Русская армия и флот в XIX в.» (переведена в 1996 г.)⁹. Впрочем, историки, занимающиеся «русской темой», читают по-русски, как, например, Кристофер Даффи, что позволило ему создать в 1972 г. вполне оригинальную работу¹⁰. Изданные недавно при поддержке Центра Индиана-Мичиган по русским и восточноевропейским исследованиям переводы мемуаров А. Ермолова, Н. Дуровой и Д. Давыдова расширили знания зарубежного читателя о войне 1812 г.¹¹ Наконец, были опубликованы на иностранных языках и некоторые специальные работы российских историков, где так или иначе затрагивается тема войны 1812 г., например, двухтомник Александра и Юрия Жмодиковых об организации и тактике русской армии и обширный труд Олега Соколова «Армия Наполеона» – исследования, которые еще ждут своих рецензентов¹².

Сегодня строго академические издания – те, что создаются преподавателями высшей школы, участвующими в научных конференциях и выступающими рецензентами аналогичных исследований, – соседствуют с многочисленными любительскими публикациями, далеко не все из которых сопоставимы с ними по своему качеству, уровню критического анализа и объему использованных источников. К первым можно отнести такие издания общего характера, как, например, «Наполеоновские войны: международная история» (2009) Чарльза Исдейла, профессора Университета Ливерпуля (Великобритания), ко вторым – совместную работу президента Международного Наполеоновского общества Бена Вейдера и генерала Мишеля Франчески

⁹ *Tarlé E.* Napoleon's Invasion of Russia, 1812. N.Y., Toronto, 1942; *Beskrovnyy L.* The Russian Army and Fleet in the 19th century. Gulf Breeze, 1996.

¹⁰ *Duffy C.* Borodino and the War of 1812. L., 1972.

¹¹ *The Czar's General: The Memoirs of a Russian General in the Napoleonic Wars.* Welwyn Garden City, 2005; *Troubetzkoy G.* In the Service of the Tsar Against Napoleon: The Memoirs of Denis Davidov, 1806–1814. L., 1999; *Durova N.* The Cavalry Maiden: Journals of a Russian Officer in the Napoleonic Wars. Benicia, 1997.

¹² *Zhmodikov A., Zhmodikov Y.* Tactics of the Russian Army in the Napoleonic Wars. West Chester, 2003; *Sokolov O.* L'armée de Napoléon. P., 2002.

«Война против Наполеона» (2007)¹³, где откровенно воспеваётся гений императора французов.

В последние годы вышел также целый ряд специальных статей и монографий на английском и французском языках. В 2005 г. по результатам симпозиума, проводившегося Школой истории при том же Университете Ливерпуля, был опубликован сборник статей «Народное сопротивление в войнах против французов». Наряду с традиционными для европейских ученых исследованиями по теме испанской герильи, сопротивления оккупационным властям в Германии и в Италии, там была представлена и работа Джанет Хартли «Патриотизм русской армии в Отечественной войне 1812 года»¹⁴. В своей статье, автор, выказав знакомство с известными ей (на тот момент) направлениями в российской дореволюционной и советской историографии, сравнила идею патриотизма русского народа с патриотизмом русского офицерского корпуса, который, по ее мнению, направлялся самодержавием и церковью на поддержание существующего социального порядка. К числу весьма интересных изданий можно отнести и сборник статей под редакцией Брюса Менинга и Давида Шимилпенника, «Военные инновации от Петра Великого до Революции 1917 г.», вышедший в 2004 г., где затронуты вопросы военного строительства российской регулярной армии и, особенно, ее развития во время войн против Наполеона¹⁵.

Наряду с исследованием Майкла Адамса «Наполеон и Россия» (2007)¹⁶, освещающим историю франко-российских отношений с 1790-х гг. по 1815 г., наибольший интерес сегодня представляет работа профессора истории Лондонской школы экономики Доминика Ливена «Россия против Наполеона: правдивая история “Войны и Мира”» (2010)¹⁷. Ливен поставил себе целью выяснить, насколько реальность войны 1812 г. отражена в бессмертной эпопее Л.Н. Толстого. Особенно британский исследователь концентрируется на политике Александра I и его близких советников. Исследовав многочисленные документы, он пришел к выводу, что Великую армию погубили не снег и/или

---

¹³ *Esdaile Ch.* Napoleon's Wars: An International History, 1803–1815. L., 2009; *Weider B.* General Franceschi M. The Wars against Napoleon: Debunking the Myth of the Napoleonic Wars. N.Y., 2007.

¹⁴ *Hartley J.* The Patriotism of the Russian Army in the “Patriotic” or “Fatherland” War of 1812// Popular resistance in the French wars: patriots, partisans and land pirates. Basingstoke, 2005. С. 181–200.

¹⁵ *Reforming the Tsar's army: military innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution/ Ed. Schimmelpenninck D., Menning B.* Cambridge, 2004.

¹⁶ *Adams M.* Napoleon and Russia. Hambledon Continuum, 2007.

¹⁷ *Lieven D.* Russia Against Napoleon: The True Story of the Campaigns of “War and Peace”. N.Y., 2010.

бескрайние пространства России, но твердая политика царя, помноженная на лучшую систему командования, администрации и снабжения чем та, которой располагал Наполеон.

Теме Бородинского сражения были посвящены две монографии, каждая из которых по-своему не лишена новизны и научной значимости. Видный британский историк Дигби Смит (известный также как Отто фон Пивка) опубликовал книгу «Бородино» (1999), несколько расширив традиционно привлекаемый круг источников за счет мемуаров в основном немецких участников событий¹⁸. Намного полнее, с привлечением большого числа российских источников, переведенных им на английский язык, написал свою монографию «Битва при Бородино: Наполеон против Кутузова» (2007) американский историк грузинского происхождения, Александр Микаберидзе. Ранее им была опубликована книга о русском офицерском корпусе, включающая в себя сотни биографий и столь же обширный иллюстративный ряд¹⁹.

Несмотря на то что в последнее время французская историография специализируется на переиздании большого количества мемуарных и биографических произведений участников похода на Россию 1812 г., она пока не отличилась появлением сколько-нибудь заметных аналитических работ, опирающихся на архивные данные. Так, помимо красочных компилятивных альбомов-публикаций преподавателя лицея в Дижоне Алена Пижара²⁰, можно разве что упомянуть недавно выпущенную книгу писателя Жан-Клода Дамамма с почти классическим названием «Орлы зимой: Россия 1812», представляющую собой очередное научно-популярное издание для массового читателя, как, впрочем, и ранее вышедшая книга «Бородино: битва за редуты» историка-любителя, а ранее – врача Франсуа-Гая Уртуля²¹.

С другой стороны, несомненный интерес представляют специальные работы английских и французских специалистов по исследованию социальных аспектов военной истории, влиявших на «войну и мир». В своей новой монографии «С армией в сердце» (2006) признанный мэтр изучения темы армии и общества Жан-Поль Берто анализирует социальный облик наполеоновского солдата, его чаяния, надежды

¹⁸ *Smith D.* Borodino (Great Battles). Moreton-in-Marsh, 1999.

¹⁹ *Mikaberidze A.* The Battle of Borodino: Napoleon against Kutuzov. L., 2007; *Idem.* The Russian Officer Corps in the Revolutionary and Napoleonic Wars, 1792–1815. L., 2005.

²⁰ *Pigeard A.* Les Campagnes napoléoniennes. 2 vols. Quatour, 1998; *Idem.* La Garde Impériale. P., 2006.

²¹ *Damamme J.-C.* Les aigles en hiver: Russie 1812. P., 2009; *Hourtoulle F.-G.* La Bataille des redoutes. P., 2000.

и мотивы поведения²². С этой книгой перекликается и работа другого «классика» данного направления, британского профессора Алана Форреста «В рядах наполеоновских армий» (2006) – результат изучения эпистолярного наследия периода Революционных и Наполеоновских войн, освещающая, в частности, роль религии в сознании их участников²³. Отмечу, что Форрест, работающий в университете Йорка, организовал совместно с университетами Северной Каролины и Флориды издательский проект «Война, культура и общество, 1750–1850» (War, Culture and Society), который наверняка заинтересует и российских специалистов.

Среди других исследований, раскрывающих внутренний мир людей на войне, заслуживает внимания недавно выпущенная монография Брайана Мартина «Боевое братство, дружба и сексуальность в Наполеоновскую эпоху» (2011)²⁴, название которой говорит само за себя.

Однако в историографии социальных аспектов войны 1812 г. наблюдается явный недостаток исследований о роли женщины, о семье и воспитании детей в то сложное и противоречивое время. Недостаточно представлена и тема оппозиции наполеоновскому режиму, в частности, заговора генерала К.-Ф. Мале в октябре 1812 г., на что в свое время обратил внимание преподаватель Университета Париж-1 Бернар Гэно²⁵.

С точки зрения зарубежного специалиста, было бы привлекательно иметь возможность читать – в различных российских исторических сборниках, подготовленных музеями, академическими изданиями и центрами экспериментальной археологии, – профессионально выверенные резюме на английском/французском языке. Это, несомненно, расширило бы читательскую аудиторию этих изданий, повысило бы интерес к ним за рубежом и принесло бы их авторам поистине международное признание. Волей-неволей надо признать, что английский язык стал необходимым средством международного академического общения благодаря развитию Интернета, созданию разнообразных электронных каталогов и социальных сетей. Многочисленные европейские и американские конференции также проводятся в основном на английском языке. Одной из таких является ежегодный Консорциум по революционной эпохе 1750–1850 гг. (Consortium on the Revolutionary

²² *Bertaud J.-P.* Quand les enfants parlaient de gloire. L'armée au Coeur de la France de Napoléon. P., 2006.

²³ *Forrest A.* Napoleonic Men: The Soldiers of the Revolution and Empire. L., 2006.

²⁴ *Martin B.* Napoleonic Friendship: Military fraternity, intimacy and sexuality in 19th – century France. New Hampshire, 2011.

²⁵ *Гэно Б.* К истории военной оппозиции бонапартистскому режиму // ФЕ 2006. М., 2006.

Ега), впервые организованный без малого 40 лет назад Советом университетов США и ежегодно приглашающий на свои сессии десятки специалистов из различных учебных и научных центров Европы, Южной Америки и Австралии. Тематика Консорциума многообразна и способна удовлетворить самые изысканные вкусы – вопросы религии, морской войны, влияние природного фактора на военные действия, литература, искусство и даже новые компьютерные технологии – все-му здесь находится место. На консорциумах, организованных в 2009 и 2011 гг., было приятно видеть и российские делегации из ИВИ РАН²⁶. Хотелось бы, чтобы это начинание крепло и развивалось, способствуя дальнейшему обмену научной информацией. После каждой конференции, Консорциум публикует сборник материалов, представленных на сессиях, который затем распространяется по подписке в более чем 60 американских и европейских библиотек и университетов.

Несколько меньшими по масштабу, но не менее продуктивными по значимости, являются конференции Международного Наполеоновского общества (International Napoleonic Society), которые проводятся преимущественно в «наполеоновских» местах Европы. Сегодня, президентство INS принадлежит публицисту Дэвиду Мэркхэму, который активно приглашает к сотрудничеству историков и любителей из разных стран мира, предлагая им членство в INS, а также и возможность публиковаться в возрожденном журнале «Наполеоновские исследования» (Napoleonic Scholarship). В планы INS входит и сотрудничество с российскими организациями в организации совместной конференции, посвященной 200-летию вторжения Наполеона в Россию.

Столь же активна и деятельность французского частного «Фонда Наполеона» (Fondation Napoléon), который совместно с парижским Институтом Наполеона, возглавляемым Жаком-Оливье Будоном, регулярно организует своеобразные публичные чтения по соответствующей тематике. Одним из главных достижений «Фонда Наполеона», помимо ежегодного гранта, вручающегося на «наполеоновские» изыскания, является великолепная электронная база данных по эпохе Первой империи (www.Napoleonica.org). С 2002 г. Фонд ведет работу над публикацией «Корреспонденции Наполеона» – новым многотомным изданием, дополняющим прежнее «классическое» издание XIX в., куда войдут вновь обнаруженные личные письма и директивы Наполеона I, а также архивные документы из разных стран мира – на сегод-

---

²⁶ См.: Чудинов А.В. Международная конференция «Революционная эпоха 1750–1850 гг.» Саванна (США), 19–21 февраля 2009 г. // Вестник РГНФ. № 3 (56). С. 232–235.

няшний день их выявлено более 32 тысяч²⁷. Думается, что участие в данном проекте могло бы заинтересовать и российскую сторону.

Для американских историков весьма острым сегодня является вопрос о сохранении преподавания в вузах военной истории в целом и Наполеоновских войн в частности. Сегодня в нашем быстроменяющемся мире социальных и прочих «сетей» для того чтобы привлечь внимание студентов и снискать уважение коллег по профессии, историку необходимо владеть методами междисциплинарных антропологических исследований с акцентом на лингвистику и/или изучение общественной памяти. Солдаты и офицеры противоборствующих армий, познавшие триумф и трагедию 1812 г., вышли из среды, имевшей различный политический, культурный и социальный контекст; они использовали разные средства для достижения успеха; наконец, они тешили себя надеждой превзойти неприятеля в решении идеологических, стратегических, и прочих задач. Вместе с тем эти люди одинаково испытывали нужду и муки голода, скорбь о погибших и страх перед неизвестным; они заставляли себя приспособиться к нормам военной жизни, где хоть иногда, но находили некое моральное удовлетворение от сиюминутных успехов. Одной из задач историка видится познание того, как жизненный опыт, приобретенный в разных условиях, наложил отпечаток на восприятие пережитого участниками событий либо немедленно, либо по прошествии лет. Медленно, но верно ему приходится отходить от «наблюдения» за полями сражений, от традиционных описаний фланговых маневров, количества захваченных орудий и оценок целесообразности тех или иных элементов военной формы, все более концентрируясь на культурных и социальных аспектах войны как исторического феномена, являющегося результатом многих и многих вовлеченных в войну людей.

Таким образом, все вышеперечисленные аспекты – введение в научный оборот новых источников, знакомство с современными социо-культурными исследованиями и их критический анализ, равноправное, а в чем-то и лидирующее участие в совместных проектах и международных конференциях – должны позволить российским специалистам по истории войны 1812 г. и впредь задавать тон соответствующим исследованиям на протяжении многих лет и по окончании юбилейных торжеств. Ибо, воистину, кто не движется вперед, отстает.

---

²⁷ *Kerautret M., Madec G. et al. Napoléon Bonaparte: Correspondance générale. 7 vols. P., 2002–2010.* Последний из вышедших на сегодня томов посвящен кампании 1807 г. и переговорам в Тильзите.

НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ, ВОЗНИКШИХ ПРИ ЧТЕНИИ ДОКЛАДА Э.М. ВОВСИ

В.Н. Земцов

Историографией заниматься *скучно*. Это – во-первых. Скучно, потому что волей или неволей превращаешься из «создателя», «творца» в «оценщика» и интерпретатора чужих творений (тем более обидно, если приходится иметь дело не с «творениями», а с явной или скрытой халтурой, нередко претендующей на то, чтобы называться «научной продукцией»).

Историографией заниматься *опасно*. Это – во-вторых. И опасно не только потому, что можешь испортить отношения со своими коллегами по цеху или еще хуже (о боже!) с реальными или потенциальными «деловыми партнерами», от которых нередко зависишь, но, прежде всего, потому (говорю о себе), что можешь незаслуженно обидеть человека, который просто-напросто «сделал все, что мог». Кроме того, почему ты должен быть уверен, что прав именно ты и тебе позволено выставлять кому-то оценки?

Историографией заниматься совершенно *неплодотворно*. Это – в-третьих. Нередко такого рода «упражнения» бывают только начальным, вынужденным этапом «настоящей» работы, этапом, о котором специально не стоит и говорить, но наличие которого должно просто ощущаться в «основном» тексте. Вот поэтому «творческие» натуры иногда публикуют историографические сюжеты только потому, что у них либо нет ничего более достойного для представления публике, либо уже, как говорится, «накипело» при знакомстве с выдающимися опусами «околонаучной продукции». И великое спасибо А.И. Попову, у которого иногда выдается «свободный часок», чтобы поставить на место грюнбергов и хлесткиных, которых, по мере приближения юбилейных торжеств, становится все больше и больше. К несчастью, обращенный на такого рода «писателей» критический взгляд приводит только к повышению известности этих недоучившихся, но очень амбициозных халтурщиков.

И все же...

Заниматься историографией *интересно*. Интересно, потому что только так ты можешь глубоко и систематически познакомиться с трудами предшественников и современников, оценить их достижения и наметить уровень задач для своих собственных штудий.

Заниматься историографией *необходимо*. Только в этом случае

ты начинаешь осознавать ограниченность своих собственных методологических и «фактологических» ориентиров. Здесь мы говорим не о «традиционной» для советского, а нередко и постсоветского историка историографии, представляющей собой либо реферирование трудов предшественников, либо способ захвата места «Учителя», некоего высшего арбитра, расставляющего оценки и избавившегося от надоевшей ему, «рутинной» работы с источниками. Мы имеем в виду ту историографию, которую сегодня нередко называют «новой историографией», зачастую вкладывая в это понятие разные, часто противоположные, смыслы. Под «новой историографией» мы подразумеваем штудии, дающие возможность проникновения в глубь процесса исторического познания как процесса глубоко диалогичного и не предполагающего возможность постижения «абсолютной исторической истины». При этом «новая историческая наука» и «новая историография» вовсе не отрицают необходимость скрупулезных позитивистских разработок, которые, однако, должны восприниматься только как некий первоначальный, черновой (хотя и очень трудоемкий) этап того, что историку еще предстоит понять и осуществить.

Заниматься историографией *полезно*. Во-первых, потому, что коллеги по цеху, обращаясь к твоим историографическим опусам, просто экономят свое время, открывая для себя существование той или иной полезной для них публикации, а, во-вторых, занятия историографией помогают наметить важные и перспективные сферы дальнейших исследований.

Подводя итог, нащупывая некий баланс между тем, насколько «полезна» и «не полезна» работа историографа, вынужден все же признать, что «неполезность» явно перевешивает «пользу». Весь наш предшествующий опыт вопиет о тщетности тех «указаний на перспективу», которые строятся на основе историографических работ. Каждый из «практикующих» историков вырабатывает свой собственный исследовательский метод, более или менее органично связанный с уровнем его профессиональной квалификации, профессиональной и гражданской честности, характером мирозерцания и материальными возможностями.

С большим интересом ознакомившись с докладом д-ра Вовси, мы увидели созвучие его основных тезисов с тем, о чем мы говорим и пишем уже более десяти лет²⁸. В частности, в нашей недавней публи-

---

²⁸ Земцов В.Н. Бородино в исторической памяти немцев // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2001; *Он же*. «Французское» Бородино. (Французская историография Бородинского сражения) // Отечественная история. 2002.

кации, посвященной работам современных зарубежных авторов²⁹, мы попытались суммировать основные тенденции в зарубежной историографии последних лет применительно к изучению войны 1812 г. Эти тезисы сводились к следующему:

1. Значительно расширилась тематика исследований как в плане географическом, что проявилось в появлении ряда работ, посвященных действиям русской армии, так и в тематическом – началось исследование проблем историко-социального характера и исторической памяти.

2. Оказался в значительной степени преодолен языковой барьер. В настоящее время редкое исследование, вышедшее за рубежом, обходится без обращения к русскоязычным материалам, в том числе архивным. А англоязычные авторы стали шире привлекать немецкие и польские материалы.

3. Значительно расширились межнациональные научные контакты. Это обстоятельство оказалось в немалой степени обусловлено как развитием Интернета и упрощением порядка пересечения границ, так и более интенсивной миграцией в рамках мирового интеллектуального сообщества.

4. Более явственно стало ощущаться воздействие результатов методологических поисков западноевропейских и американских исследователей второй половины XX в. Сохранявшийся долгое время барьер между прежней историографической традицией, ориентированной на «обычное» прочтение источника, и методологическими поисками в рамках постмодернистских подходов стал к концу XX – началу XXI в. постепенно преодолеваться.

5. Все обозначенные выше перемены свидетельствуют о значительном ослаблении и даже разрушении некогда жестких рамок национальных историографических традиций, укреплявшихся на протя-

---

№ 6. С. 38–51; *Он же*. «Образ врага» в русской историографии Бородинского сражения: рождение традиции // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. 132. М., 2002; *Он же*. Микроистория и перспективы изучения Отечественной войны 1812 года // Парадигмы исторического образования в контексте социального развития. Екатеринбург, 2003. Ч. 1; *Он же*. Наполеоновские войны в британской историографии // *Imagines mundi*. Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 2. Альбионика. Вып. 2. Екатеринбург, 2003; *Он же*. Зарубежная историография Бородинского сражения // Бородино и наполеоновские войны. Битвы, поля сражений, мемориалы. М., 2003; *Он же*. Историография // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004 (совместно с В.П. Тотфалушиным); *Он же*. Наполеон и Европа. Взгляды на политику // НиНИ. 2006. № 2. С. 215–217; *Он же*. Историография Отечественной войны 1812 года: 200 лет поиска истины // *IMAGINES MUNDI*: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 7. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 4. Екатеринбург, 2010. С. 105–117 и др.

²⁹ *Земцов В.Н.* Бородинское сражение в современной зарубежной историографии // Бородино в истории и культуре. Можайск, 2010. С. 26–33.

жении почти двух веков. Здесь следует пояснить, что, по нашему глубокому убеждению, для каждой нации, которая так или иначе была вовлечена в глобальный конфликт начала XIX в., была выработана своя, национально-специфическая версия событий войны 1812 г., которая, несмотря на вариации, оказалась очень прочной и слабо поддающейся пересмотру. Сегодня эта национальная замкнутость историографических версий постепенно преодолевается.

Подводя итоги, мы отметили, что отход от чисто военной тематики в изучении 1812 г. и процесс обновления методологического инструментария происходили и происходят в России значительно медленнее, чем на Западе. Только в самом конце XX – начале XXI в. исследователи стали касаться проблем, изучаемых в рамках социальной истории, исторической психологии, истории ментальностей, исторической памяти и других сфер современного гуманитарного знания. Медлительность этого поворота нашла отражение и в энциклопедии «Отечественная война 1812 года»³⁰, лишь частично выполнившей задачу подведения итогов изучения данной тематики.

Между тем доклад д-ра Вовси ясно, по нашему мнению, показывает наличие серьезных проблем разного рода и в зарубежной исторической науке. Так, нам представляется, что зарубежные авторы в целом слабо знакомы с достижениями российских историков в изучении эпохи Наполеоновских войн. Более того, эти достижения замалчиваются, значительно умаляются или, что еще хуже, становятся источником компиляции для недобросовестных зарубежных авторов, имеющих возможность следить за новинками русскоязычной литературы.

Обращает на себя внимание и то, что в среде зарубежных историков русской кампании Наполеона существовала и продолжает существовать неконструктивная конкуренция, которая выражается в сознательном принижении или игнорировании достаточно ярких и оригинальных работ и, наоборот, в чрезмерно высоких оценках посредственных сочинений. Так, в докладе д-ра Вовси не был даже упомянут интересный во многих отношениях труд британского историка А. Замойского³¹, как, впрочем, и замечательная, новаторская во многих отношениях трилогия недавно умершего П. Бриттен Остина³². Остается сожалеть о совершенном игнорировании докладчиком работ Д. Чандлера, предопределивших развитие современной англо-американской

³⁰ Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004.

³¹ *Zamoyski A.* 1812: Napoleon's Fatal March on Moscow. L., 2004.

³² Первое издание: *Austin P.B.* The March on Moscow. London, 1993; *Idem.* 1812. Napoleon in Moscow. L., 1995; *Idem.* 1812. The Great Retreat. L., 1998.

историографии, а также трудов французского историка Ф. Бокура, хотя и отмеченных печатью любительства, но представляющих несомненный интерес.

Несколько удивил нас высокомерный отзыв о работе Ф.Д. Уртуля³³, хотя и не выдающейся, но не лишенной интереса. В то же время следует усомниться в тезисе д-ра Вовси в отношении «академичности» работ Ч. Исдейла, которого, несмотря на его высокий пост в официальной науке, следует скорее причислить к не слишком добросовестным популяризаторам. Удивила и безапелляционность в оценках работы Д. Ливена³⁴, интересной и важной во многих отношениях, но отнюдь не поставившей точку в бесконечном споре о причинах гибели армии Наполеона в России.

По-видимому, замечания, высказанные мною о докладе д-ра Вовси, еще раз демонстрируют сложность и даже «опасность» того, что мы называем историографией. Диапазон разброса мнений может быть здесь чрезвычайно широк, ибо определяется не только степенью реального вклада того или иного историка в постижение прошлого, но и обстоятельствами «привходящего» характера. Так и хочется воскликнуть: «А судьбы кто?» – и пожелать оставить будущим поколениям право выставлять оценки ныне живущим или недавно умершим авторам.

Что касается «выявления перспектив» и «постановки задач», то они очевидны:

– Продолжается переход от изучения эпопеи 1812 г. как события прежде всего военной истории к исследованию ее с точки зрения социальных, экономических, политических и ментальных процессов. По нашему мнению, нельзя допустить, чтобы этот переход привел к отказу от изучения событий военного характера, которые, кстати сказать, нередко дают ключ к пониманию процессов, происходивших и в других сферах исторического прошлого.

– Идет и будет вестись интенсивный поиск новых методологических ориентиров, что должно не только обогатить инструментарий историков войны 1812 г., но открыть перед ними новые темы и новые ракурсы в исследовании привычных сюжетов.

– Необходимо отказаться от практики исключительно эпизодических и случайных контактов отечественных историков войны 1812 г. с коллегами из зарубежных стран. Эти связи должны перейти в более конструктивное русло и стать естественными и постоянными. В данной связи хочется указать на ограниченный потенциал в плане

³³ Hourtoulle F.G. La Moscowa – Borodino. La Bataille des Redoutes. P., 2000.

³⁴ Lieven D. Russia Against Napoleon. The Battle for Europe, 1807 to 1814. L., 2009.

развития подобных контактов, которым располагают провинциальные российские историки. Нередко это приводит к тому, что многие наработки отечественных авторов, отдаленных от столичных центров, оказываются, с одной стороны, неизвестны в Москве и Петербурге, а тем более за рубежом, а с другой – становятся источником для компиляций и откровенного плагиата.

Нам думается, что наряду с последовательным неприятием творений псевдопатриотического, назидательного и халтурно-компилятивного характера следует более спокойно и конструктивно отнестись к истории «любительской», той, которая иногда не слишком заметно, но последовательно делает великое дело – популяризирует историческое знание, воспитывает чувство Родины и приобщает к исторической науке любознательную молодежь. Мы имеем в виду прежде всего движение военно-исторической реконструкции. Не случайно многие состоявшиеся специалисты по истории войны 1812 г. были и остаются активными участниками этого удивительного общественно-явления рубежа XX–XXI вв.

Выступления

А.В. Чудинов³⁵ (председатель). Круглая годовщина любого крупного исторического события неизбежно вызывает всплеск общественного интереса к нему, длящийся, впрочем, не слишком долго. Торжества рано или поздно заканчиваются, и внимание как общественных деятелей, так и широкой публики переключается на другие темы, другие события, другие юбилеи. Общественный интерес, увы, вещь непостоянная и эфемерная. Однако если та или иная историческая коммеморация сопровождается подъемом серьезных научных исследований по соответствующей проблематике и служит стимулом для качественного скачка в ее разработке, она из мимолетного отражения событий далекого прошлого сама становится Событием, и память о ней может сохраниться в историографии еще на долгие годы. Так, например, произошло с празднованием в нашей стране 200-летия Французской революции XVIII в. Кто сегодня вспомнит о политическом значении, придававшемся тогда этому юбилею властями предрежущими и широкой общественностью? О скрытых смыслах, которые политически активные граждане пытались разглядеть за строками торжественных докладов М.С. Горбачева и А.Н. Яковлева? Все это было, да

---

³⁵ Александр Викторович Чудинов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, директор Российско-французского центра исторической антропологии им. Марка Блока РГГУ, главный редактор «Французского ежегодника».

быльем поросло. А вот эхо научных дискуссий тех лет о Французской революции продолжает звучать в российской историографии и поныне. Именно тогда состоявшийся в ИВИ «круглый стол», посвященный актуальным проблемам изучения этой революции, стал наглядным воплощением наметившейся в отечественной историографии данной темы «смены вех», которая и определила все последующее развитие в России исследований по соответствующей проблематике³⁶.

Чтобы предстоящий 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. тоже стал историографическим Событием, необходима координация усилий всех наших ведущих специалистов, занимающихся ее изучением. И потому инициатива по проведению нашего «круглого стола», с которой выступили Э.М. Вовси и Н.В. Промыслов, оказывается более чем кстати.

Здесь присутствует большинство ведущих московских исследователей Отечественной войны 1812 г. и наполеоновской проблематики в целом, представляющих различные научные центры. Я попрошу всех высказаться по очереди, в алфавитном порядке, о том, как вы оцениваете нынешнее состояние данной историографии и какие исследовательские проблемы кажутся вам сегодня наиболее актуальными. В качестве отправной точки для размышлений предлагаю использовать два дискуссионных текста, любезно предоставленные нам нашими коллегами Э.М. Вовси и В.Н. Земцовым.

В.М. Безотосный³⁷. Я хотел бы поблагодарить организаторов мероприятия и отдельно Э.М. Вовси за смелость, с которой он спровоцировал этот «круглый стол.» Тема заседания мне кажется весьма актуальной. Фактически всего лишь третий раз историки нашей страны на моей памяти обсуждают насущные проблемы историографии эпохи 1812 г.³⁸

Я внимательно прочитал доклад Э.М. Вовси и размышления об историографии В.Н. Земцова. В принципе я согласен с большинством тезисов, выдвинутых обоими авторами. С моей точки зрения главной задачей на сегодня является преодоление противоречий и нестыковок между отечественной и зарубежной историографией и поиск новых

---

³⁶ См.: Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. М., 1989; Чудинов А.В. Смена вех: 200-летие Революции и российская историография // ФЕ 2000. М., 2000; Бовыкин Д.Ю. О современной российской историографии Французской революции XVIII века (полемические заметки) // НиНИ. 2007. № 1.

³⁷ Виктор Михайлович Безотосный, кандидат исторических наук, заведующий отделом Государственного исторического музея

³⁸ См. материалы «круглых столов» в редакции журнала «Родина» (Родина. 1992. № 6–7; 1995. № 9).

методологических подходов. Если национальная школа историков будет вариться в собственном соку, это в скором времени станет главной причиной ее застоя и загнивания. Такое явление мы воочию наблюдали в советский период, когда существовал идеологический диктат, единственно правильная и ориентированная на классовый подход марксистская концепция истории.

Противоречия между различными национальными школами историографии, как правило, связаны в первую очередь с различиями в корпусе источников, используемых историками разных стран. Эгоизм национальных историографий объясним. Он обусловлен грузом вековых традиций, субъективными и объективными моментами: люди воспитывались и обучались в определенной системе координат и жили в определенной политической ситуации, которая, безусловно, оказывала свое воздействие. И к тому же этот национальный эгоизм ранее зиждился на ограниченной источниковой базе: фактически исследователи игнорировали источники противоположной стороны, что было связано в том числе и с языковым барьером.

Э.М. Вовси привел много сведений о развитии современной западной историографии. Зарубежные историки оперируют источниками в первую очередь на английском, немецком и французском языках и не привлекают российские материалы из-за незнания русского, хотя в последние годы и были переведены некоторые мемуары российских участников событий. В свою очередь, у нас огромное количество проблем из-за того, что мы не знаем западных источников. Авторы классических трудов советской историографии, как все помнят, практически не использовали иностранные источники. Историографические обзоры писались исключительно в рамках борьбы с западными фальсификаторами истории.

Несмотря на то что в последнее время в России было издано много немецких и французских мемуаров, у нас практически не введены в научный оборот воспоминания русских участников, написанные на французском языке. Например, фактически не используются мемуары Евгения Вюртембергского, одного из лучших российских генералов эпохи Наполеоновских войн, так как они были опубликованы в 40-х годах XIX в. с устаревшим переводом³⁹. Из воспоминаний генерала Ланжерона издан на русском языке турецкий комплекс, остальные же не переведены⁴⁰. Даже из мемуаров А.Х. Бенкендорфа опубликован

³⁹ Мемуары Е. Вюртембергского публиковались в нескольких выпусках «Военного журнала» за 1847–1849 гг. См. также: Русский архив. 1878. Кн. 1. № 1–4,

⁴⁰ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. / Пер. Е. Каменского // Русская старина. 1907. № 9; 1908. № 4, 6; 1910, № 7–10; 1911, № 7, 8.

только 1812 г.⁴¹ Сегодня этот интереснейший источник переведен целиком, но его никак не опубликуют, а он важен для тех, кто занимается более широкой тематикой.

Когда в советское время мы только начинали изучать интересующий нас период, у нас из обобщающих трудов имелись только работы П.А. Жилина и Л.Г. Бескровного, по которым массовый читатель так или иначе мог получить представление об эпохе. Только в начале 1990-х гг. был опубликован на русском языке – с задержкой в 30 лет – труд английского историка Д. Чандлера о Наполеоновских войнах, фактически ровесника и Бескровного, и Жилина, но опубликован был отвратительно, с большим количеством ошибок, поскольку готовили его к печати непрофессионалы. Но, прочитав даже этот далеко не лучший вариант, я понял, что мы в свое время упустили многое – это был абсолютно другой подход и совсем иное осмысление событий. На мой взгляд, сегодня очень важно максимально расширять источниковую базу и таким образом ликвидировать препятствия для сближения с западной историографией. Также важно своевременно публиковать работы иностранных авторов, знакомить исследователей с последними новинками западной историографии.

Вот сейчас мы будем праздновать юбилей кампании 1812 г., а на следующий год юбилей 1813 г. Думаю, в Германии это событие незамеченным не останется, потому что немцы всегда считали, что это они сами себя освободили. Русские только слегка помогли. В немецкой историографии успешно применялся старый прием: говорить правду, только правду, но не всю правду. При описании событий 1813 г., не особо кривя душой, немецкие историки просто давали перечисление командовавших войсками генералов: М.Б. Барклай де Толли, Л.Л. Беннигсен, П.Х. Витгенштейн, Ф.В. Остен-Сакен, А.Ф. Ланжерон, Ф.Ф. Винценгерод, П.П. Пален, Евгений и Александр Вюртембергские и другие «русские немцы», которых хватало в российской императорской армии. При этом не упоминалось, что они были на русской службе и командовали русскими войсками. Но ведь на самом деле если бы Александр I увел войска из Европы, а такие разговоры шли в Главной квартире и была определенная партия, которая ратовала за то, чтобы не продолжать военные действия, то через год-два тотальное господство Наполеона над Европой было бы восстановлено. У меня нет в этом никаких сомнений, хотя это и переход к альтернативной истории, но это так. И именно твердость русского императора способствовала оконча-

---

⁴¹ Записки Бенкендорфа. М., 2001.

тельной победе в 1813 и 1814 гг. Я не хочу умалять заслуги прусских солдат, которые очень хорошо воевали, в отличие от австрийцев, но, тем не менее, 1813 г. мы тоже не должны упускать из виду. И к этому событию тоже нужно готовиться, а не только к 200-летию юбилею Отечественной войны 1812 г. Наша историография заграничных походов на удивление бедна: работы за 200 лет по этим сюжетам можно буквально пересчитать по пальцам. Сегодня как никогда актуален справедливый упрек английского историка Д. Ливена всем российским авторам за то, что они сосредоточили основное внимание на изучении 1812 г., а 1813 и 1814 гг. оставили на откуп западным исследователям. Этого делать больше не надо.

Горбунов А.В.⁴² Хочу поблагодарить устроителей «круглого стола» за предоставленную возможность услышать мнения коллег по наиболее важным проблемам изучения Отечественной войны 1812 г.

Я не совсем согласен с В.М. Безотосным в том, что основная историографическая проблема сейчас состоит в преодолении противоречий между национальными историографиями. Полагаю, что национальные различия и исторические школы, сложившиеся в разных странах, – это нормальное явление. Основные отличия национальных версий Бородинского сражения связаны со степенью участия в нем воинских частей тех или иных европейских народов и последующими изменениями международных отношений – противники в 1812 г. впоследствии неоднократно становились союзниками. К «битве гигантов» как исключительному историческому событию, которое стоило многих жертв обеим сторонам, невозможно относиться совершенно беспристрастно. Однако это не должно быть препятствием для профессиональной работы историков, их взаимопонимания и научных контактов.

Полностью согласен с тем, что актуальной задачей является введение в научный оборот источников из разных стран, связанных с разными историческими школами. В этом отношении наши отечественные историки несколько опередили англо-американскую историографию и историографии других стран, если судить по работам В.Н. Земцова, А.И. Попова и по тем докладам, что звучали на шестнадцати ежегодных международных научных конференциях «Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы», проведенных Бородинским музеем-заповедником. Их тематика соответствовала профилю музейной работы, включая в себя изучение письменных

---

⁴² Александр Викторович Горбунов, заместитель директора по научной работе Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника.

и вещественных источников, памятников истории и культуры эпохи Отечественной войны 1812 г.

Не менее важной задачей является комплексное изучение исторических источников, не только текстовых, но и тех, что относятся к музейным экспонатам: предметов вооружения, обмундирования, военного быта, боеприпасов, произведений изобразительного искусства, созданных участниками и современниками событий. В частности, практически не введен в научный оборот каталог выставки «Здесь – на полях Бородина – с Россией билася Европа...», содержащий данные о более чем тысяче предметов из музеев, архивов и библиотек, связанных с Бородинским сражением⁴³. Современные историки, в отличие от их коллег XIX в., мало внимания уделяют изучению картографических материалов.

Особым источником для изучения ключевых военных событий – сражений являются сами поля сражений. По сведениям А. Пижара, из более чем ста полей сражений Наполеоновских войн 47 в разной степени сохранили исторический ландшафт: они отмечены памятными знаками и имеют музейные экспозиции⁴⁴. Поля сражений являются объектами культурного наследия, которые отличают сложность состава и разнообразие находящихся на их территории памятников. Расположенные на их территории локальные объекты наследия типологически делятся на памятники – свидетельства сражения (укрепления, захоронения и археологический культурный горизонт), памятные места и памятные объекты – свидетели сражения (поля, леса, реки и ручьи с оврагами и т.д.), памятные знаки (надгробия, памятники воинским частям и проч.), а также объекты наследия, не связанные со сражением (памятники природы, археологии, архитектуры, истории)⁴⁵. Следовательно, изучение полей сражений необходимо вести комплексно, включая различные направления исследований: исторические, археологические, ландшафтные, архитектурные, картографические, топонимические и другие. Такой подход является плодотворным как для практического решения задач сохранения аутентичности и целостности полей сражений, разработки проектов их реставрации и музеефикации, так и для более обоснованного изучения боевых действий. Убе-

⁴³ Здесь – на полях Бородина – с Россией билася Европа... Выставка, посвященная 195-летию Бородинской битвы. М., 2007.

⁴⁴ Горбунов А.В. Сохранение и развитие полей сражений наполеоновских войн как объектов всемирного культурного наследия // Бородино и наполеоновские войны: битвы, поля сражений, мемориалы. М., 2003.

⁴⁵ Горбунов А.В. Ландшафт полей сражений: генезис, структура, развитие // Культурный ландшафт как объект наследия. М.; СПб., 2004.

дительным подтверждением этому стало присуждение Бородинскому музею-заповеднику в 2007 г. Международной премии ЮНЕСКО им. Мелины Меркури за сохранение и организацию использования культурного ландшафта Бородинского поля. Его изучение позволило решить ряд спорных вопросов расположения и передвижения войск, более достоверно реконструировать картину боя на направлении главного удара Наполеона⁴⁶.

Отметим также появление интереса к комплексному изучению полей сражений у зарубежных специалистов по изучению культурного наследия из Бирмингемского университета (Великобритания) и Европейской ассоциации культурного наследия⁴⁷.

В настоящее время Бородинский музей-заповедник совместно с Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева завершает подготовку научно-справочного атласа «Бородинское поле. Культурное и природное наследие». В атлас войдет аннотированный перечень памятников истории, культуры (более 200 объектов), статьи о Бородинском сражении, истории Бородинского музея-заповедника, исторических изменениях и современном природно-географическом состоянии культурного ландшафта Бородинского поля, его топонимике, экологии. Эти сведения будут непосредственно связаны с обширным картографическим материалом, многочисленными историческими и современными иллюстрациями. Атлас зафиксирует результаты изучения Бородинского поля и его состояние через 200 лет после «битвы гигантов».

К юбилею Бородинского сражения в нашем музее-заповеднике будут созданы два мемориальных комплекса. Один, в центре поля у батареи Раевского, будет называться «Недаром помнит вся Россия...». В нем будут перечислены названия всех полков русской армии. В другом, в Шевардинском парке, около командного пункта Наполеона, под названием «С Россией билась вся Европа», будут перечислены все полки, которые входили в Великую армию. Создание этих мемориальных объектов подчеркнет значение Бородинского поля как объекта всемирного культурного наследия. В новой главной экспозиции «Славься век, Бородино» будет более полно показано Бородинское сражение исходя из его русской историографической версии. Ее название отра-

⁴⁶ Ивченко Л.Л. Бородинское сражение. История русской версии событий. М., 2009. С. 180-181.

⁴⁷ Gorbunov A.V. Battlefields as the heritage sites and their museefication. [http://www.gees.bham.ac.uk/research/ACPP/BA_cultural_landscape/Alexander V. Gorbunov – Battlefields as heritage sites \(Rus-Eng\).pdf](http://www.gees.bham.ac.uk/research/ACPP/BA_cultural_landscape/Alexander_V_Gorbunov_-_Battlefields_as_heritage_sites_(Rus-Eng).pdf). Alexander V. Gorbunov. Borodino as the instance of cultural potential of battlefields //The Best in Heritage. Dubrovnik, 2008. Zagreb: Eropcan Heritage Association, 2008. P. 48–51.

жает место и значение Бородинского сражения в исторической памяти народа и подчеркивает тот факт, что, несмотря на чудовищные жертвы, Бородинское сражение изначально было овеяно ореолом поэзии.

Гордон А.В.⁴⁸ «Ностальгическая терапия» – общеевропейская проблема, которая обостряется в России со сменой государственности и общественного строя. Политтехнологи откровенно говорят о потребности в объединяющих и мобилизующих мифах, в части которых отчетливо различимы милитаристские и мессианские обертона, придающие столкновениям со странами Запада характер вселенского противостояния по конфессиональным и этно-национальным мотивам.

1812 г. является одним из привилегированных объектов подобной мифологизации: противостояние нашествию «дванадцати языков» было выделено из 15-летней истории войн с наполеоновской Францией, в которых Россия выступала в той или иной коалиции, а конфликты чередовались с соглашениями. Избирательность выявилась уже в религиозно-монархической традиции, придавшей победе над интервентами характер чудесного спасения, дарованного Благословенному императору, и за благочестие – русскому народу. Венцом официальной трактовки 1812 г. стал культ Христа Спасителя.

Догмат чудесного спасения встретил открытое неприятие части общества: А.И. Герцен писал, что «политической религией» русскому крестьянину служило убеждение, что «у себя на родине он непобедим», и если ему приходилось умирать, то за «неприкосновенность русской земли»⁴⁹, или, по Лермонтову, – «Уж постоим мы головою / За родину свою!» Идея тотального противостояния, потребовавшего вмешательства высших сил, не подкрепляется национальной традицией, амбивалентность которой в отношении интервентов и их предводителя очевидна. Пиетет к французской культуре, популярность языка сохранялись на протяжении всего XIX в. А Наполеон? «Хвала!.. Он русскому народу / Высокий жребий указал / И миру вечную свободу / Из мрака сылки завещал» (*Пушкин А.С. ПСС. Т. 2. С. 60*).

Отношение Пушкина, которое полностью разделял и автор «Бородино», было радикально переосмыслено Тютчевым. В период обострения Восточного вопроса говорить о «почившей ненависти» не приходилось. А «завещанная свобода» воспринималась как не прекращавшаяся в Европе революция. Отсюда – переосмысление «жребия» русского народа. Ссылаясь на пророчество «через 50 лет Европа бу-

⁴⁸ Александр Владимирович Гордон, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

⁴⁹ Герцен А.И. О социализме: Избранное. М., 1974. С. 247.

дет либо под властью революции, либо под властью казаков», поэт-дипломат сформулировал постулат европейской политики «Империя (Российская) против Революции».

В сталинский период тема 1812 г., маргинальная для ранней советской историографии, приобрела большую актуальность. Еще до 1941 г. утвердилась официальная позиция, требовавшая раскрытия темы исключительно в плане превосходства русской армии, военного искусства ее командования и героизма солдат и офицеров. А после 1941 г. возобладали тенденции к калькированию русско-французской войны по образу тотального противостояния с фашизмом: «зверства оккупантов» (сожжение Москвы, подрыв кремлевских соборов), мародерство, расстрелы мирного населения.

Тем не менее амбивалентность в отношении Наполеона сохранялась: драматическая история книги Тарле (1936) – яркое тому подтверждение. Несмотря на жесткую партийную критику, требовавшую развенчания французского императора, историк продолжал переиздавать его биографию без серьезных изменений. Симпатия вождя служила охранный грамотой.

Дореволюционная схема официальной историографии была радикально изменена. Роль спасителя, изъятая у Александра I, досталась Кутузову, подчеркивалось расхождение фельдмаршала с царским двором, на который возлагалась вся вина за неудачи. Напротив, стратегия и тактика Кутузова расценивались как безупречные в сталинском духе: «Наш гениальный полководец Кутузов загубил Наполеона и его армию при помощи хорошо подготовленного контраступления».

Новизной отличалась и трактовка сил, противостоявших Кутузову. Послевоенная кампания борьбы с «низкопоклонством» обернулась в освещении 1812 г. разоблачением «немецкого засилья» в штабах. Больше досталось Беннигсену, но не пощадили и Барклай де Толли. В противовес последнему герою первого этапа войны был сделан Багратион. Подмена вошла в историческое сознание. Будучи уже студентом истфака ЛГУ, я разглядел, что «напарником» Кутузова перед Казанским собором является вовсе не Багратион. Еще любопытнее «казус» начала 80-х гг., рассказанный мне Ниной Владимировной Ивочкиной. Едет автобус с группой сотрудников Эрмитажа по Южной Эстонии. Водитель окликает прохожего: «Дед, где здесь могила Багратиона?» Указав направление, эстонец добавил: «Только это по-русски Багратион, а по-эстонски Барклай де Толли».

Тема заграничного похода русской армии подавалась явственно в виде аллюзии перехода Красной армии через границу – как осво-

бождение поработенных народов. А тема Священного союза и роли русского царя как «жандарма Европы» хотя и не исчезала совсем, но совершенно отрывалась от освободительного похода. Лишь у Б.Ф. Поршнева я нашел осмысление возникшей коллизии со всеми ее аллюзиями, которые в эйфории 1945 г. вряд ли могли прийти в голову и ему:

Несколько веков рваться к Европе, титаническим натиском сломить «барьер», триумфатором и освободителем вступить в круг европейских народов – и в итоге не только ничего не принести им, кроме торжества ими же отвергнутой реакции, но и самой не получить ничего⁵⁰.

Связь двух отечественных войн придавала теме 1812 г. специфическую «режимность». А.З. Манфред лишь в конце 60-х гг. ощутил возможность (а он всегда хорошо знал, что дозволено) реализовать мечту о биографии Наполеона⁵¹. Вышедшая в 1971 г., она имела колоссальный успех, разойдясь в читательской среде, несравненно более широкой, чем профессиональное сообщество. Миновали Большой террор, Великая война, запредельный культ советского вождя и его разоблачение, а популярность чужеземного правителя в стране не пострадала. Можно ли, сопоставляя восприятие Наполеона двумя историками – Тарле и Манфредом, все-таки говорить об изменении общественного мнения с 1936 г.?

Безусловно. Книга Манфреда оказалась тираноборческой не в конъюнктурном плане «разоблачения последствий культа личности», а в самом фундаментальном – с точки зрения последствий культа для самой личности. Ибо Манфред, подобно своему предшественнику, несомненно симпатизировал Наполеону как личности выдающейся. Но притом он решительно отказался от клише «деспота по натуре, самодержца с головы до ног», за что, кстати, критиковали Тарле его современники, считавшие, что тем самым он обеднил личность Наполеона.

Перенос внимания на личностный аспект, раскрытие личности революционера, ставшего императором, в динамике и многообразии наиболее знаменательны. Далекий от стереотипа «абсолютная власть портит абсолютно», Манфред вместе с тем показал, как поэтапно происходила деградация выдающейся личности и как личностная катастрофа предшествовала катастрофе политической. Один момент. Историк действительно подчеркивал, что Наполеон Бонапарт на пути к власти, а затем в ее реализации был не одинок, что его успех обеспечи-

⁵⁰ Поршнев Б.Ф. К вопросу о месте России в системе европейских государств в XV–XVIII веках // Уч. записки АОН. Вып. 2. Вопр. всеобщей истории. 1948. С. 32.

⁵¹ См. подробнее: Гордон А.В. А.З. Манфред – биограф Наполеона (советская наполеонистика от 1930-х к 1960-м // ФЕ. 2006. С. 46–66.

ла группа талантливых молодых военных – «когорта Бонапарта». И вот с усилением власти, ее превращением в единоличную происходит утрата среды полноценного общения, что приводит к духовному одиночеству, в конечном итоге – к «духовному одичанию» героя.

Знаменательно и то, что Наполеон у Манфреда оказывался провозвестником франко-русского союза 1893 г. Сама идея трактуется как «новое слово», внесенное Наполеоном во французскую внешнюю политику, а сформулированный в 1801 г. вывод «Франция может иметь союзницей только Россию» выглядит в книге политическим завещанием. Что же помешало императору воплотить его в жизнь самому? Оставляя на втором плане логику международных коалиций и проанглийские настроения царского двора, историк указал на свойство единоличной власти – развивавшееся «самоослепление».

Итак, пиетет к Наполеону сохранялся при всех перипетиях национальной истории, открываясь в них разными сторонами. Очевидно, интерес в России к главному «антигерою» Отечественной войны выходил за рамки 1812 г., а его восприятие могло расходиться с официально-односторонней интерпретацией. Это не может не внушать оптимизм. Каким бы основательным ни было воздействие «политики памяти» на историческое сознание, в национальной культуре сохраняются глубинные принципы и автономная динамика. Долг профессионального историка – противостоя навязыванию идеологических мифов, не упускать из виду потребности общества в культивировании исторической памяти.

Ивченко Л.Л.⁵² Прежде всего, следует поблагодарить организаторов «круглого стола» за предоставленную возможность обменяться мнениями по животрепещущей теме: как обстоят дела с историографией Отечественной войны 1812 г. накануне ее 200-летнего юбилея, что сближает и разъединяет российских исследователей не только с зарубежными коллегами, но подчас и друг с другом. Нельзя не согласиться с мнением В.М. Безотосного, что поиск и публикация новых источников – явление положительное. Но, прочитав текст не менее уважаемого мною коллеги В.Н. Земцова, я поняла, что безоговорочно отношусь к скучной категории «историографов». Без такой вспомогательной дисциплины, как историография, другая дисциплина – источниковедение, на наш взгляд, существенно обесценивается. Изучение источников вряд ли принесет пользу исследователю, если в качестве методологической основы он использует исключительно свой здравый смысл, полагая, что таким способом спасает себя от пагубного влия-

---

⁵² Лидия Леонидовна Ивченко, кандидат исторических наук, главный хранитель Музея-панорамы «Бородинская битва».

ния идеологии. «Идеология, идея присутствует в исторической памяти всегда», – на наш взгляд, справедливо отмечает современный исследователь⁵³. Прочитав в книге западного автора о том, что на Пиренеи и в Россию Наполеона занесло исключительное «наваждение идеей мира»⁵⁴, понимаешь, что идеологическим мифотворчеством можно заниматься в любой стране и в любое время.

Повторюсь, расширением источниковой базы всех проблем не решить. Мне чрезвычайно близко суждение французского историка: «Для того, чтобы заниматься критикой документа, надо уже быть историком, так как, по существу, критика документа означает сопоставление со всем тем, что уже известно о рассматриваемом в нем предмете, о месте и времени, о которых он рассказывает. В каком-то смысле критика и есть история. И она становится все более утонченной по мере того, как история углубляется и расширяется»⁵⁵. Ярким примером тому может служить историография Отечественной войны 1812 г., особенностью которой является то, что в ней по разным причинам историографическая версия изначально довлела над знанием, почерпнутым из источника. У истоков версий, которые борются в нашей историографии почти 200 лет, стояли участники тех событий – М.Б. Барклай де Толли, Л.Л. Беннигсен, К.Ф. Толь, А.П. Ермолов и др. Исследователь событий сталкивается и с другой проблемой – невозможностью реконструкции сбалансированного научного знания из-за нехватки источников. Например, М.И. Кутузов, в отличие от своих оппонентов, не оставил после себя ни писем, ни мемуаров, содержащих концептуальный взгляд на события 1812 г. После него остались тома оперативной документации, в качестве комментария к которым в последнее время все чаще используется мнение его оппонентов-мемуаристов. Если бы полководец не скончался в 1813 г., а имел бы возможность продиктовать свои воспоминания, как это сделал Наполеон на Святой Елене, то, при известном красноречии М.И. Кутузова, мы бы сейчас имели совсем другую историю Отечественной войны 1812 г. Так что для историков отсутствие определенных источников – проблема подчас не менее важная, чем их наличие.

На наш взгляд, значимость информации, заключенной в источнике, значительно теряется без изучения «целесолагания» его создателя. Нельзя забывать, что историческое исследование со временем

⁵³ Румянцева М.Ф. Историческая память и музейная экспозиция в ситуации постмодерна // XVIII век в истории России. Труды ГИМ. М., 2005. С. 10.

⁵⁴ Франчески М., Вейдер Б. Наполеон под прицелом старых монархий. М., 2008. С. 5.

⁵⁵ Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 62.

становится историческим источником, который несет информацию о своем авторе и времени, в которое он создавался. Я с большим интересом прочитала статью присутствующего здесь А.В. Гордона, посвященную двум нашим знаменитым биографам Наполеона⁵⁶. С началом перестройки многие отечественные исследователи решили, что все наши беды проистекают оттого, что мы недооценили роль Наполеона в истории. Но Е.В. Тарле и А.З. Манфред сделали это на высочайшем профессиональном уровне: будучи сами выдающимися личностями, они писали о личности! Кроме того, как явствует из статьи А.В. Гордона, тема Наполеона была «режимной», в обоих случаях это был гениально исполненный идеологический заказ: Наполеон у Тарле – «выдающаяся личность правителя, устанавливающего твердый государственный порядок в постреволюционном обществе», а Наполеон у Манфреда – «солдат революции» и «убежденный сторонник союза с Россией», на пути к власти постепенно достигший «духовного одиночества».

Проблемы изучения событий Отечественной войны 1812 г., всей эпохи Наполеоновских войн, не исчезнут после публикации новых источников, потому что, на наш взгляд, самой главной проблемой для исследователей остается вопрос о методологии исследования. Как относиться к источнику? В сущности, в центре всего исторически сложившегося комплекса знаний об Отечественной войне 1812 г. стоит проблема «автора». Поэтому изучение целеполаганий как создателей исторических источников, так и создателей исторических сочинений представляется одинаково важными. Я согласна с тем, что мы должны сблизиться с западными исследователями, и перевод источников, недоступных по причине «языкового барьера», этому может, безусловно, способствовать. Но что такое источник без внутренней критики, без полноценного научного комментария? Например, на английский язык переведены «Записки» А.П. Ермолова. Но это очень сложный источник с точки зрения выяснения целеполагания автора, который описывал события так, как они ему виделись. Возникает вопрос к тому, кто выполнил перевод: как он сумел передать авторские интонации, в которых заключено очень многое? Как объяснил использование автором многочисленных «латинизмов», его злую иронию? Для этого мало быть переводчиком, нужно быть стилистом. Конечно, в Ермолове воплотился дух времени, дух эпохи, но нужно иметь много «внеисточникового знания», чтобы оценить его мемуары как источник по войне 1812 г. Вот Н.А. Дурову переводить легко, потому что ее записки лите-

---

⁵⁶ Гордон А.В. А.З. Манфред – биограф Наполеона (советская наполеонистика от 1930-х к 1960-м) // ФЕ 2006. М., 2006.

ратурно обработал А.С. Пушкин; следовательно, у этого источника два автора. Английский специалист Дж. Хартли использует российские источники в монографии об Александре I⁵⁷, комментирует их, вероятно, с точки зрения бытового здравого смысла, но для русского историка ее труд – сочинение о «русской экзотике». В числе лучших зарубежных исследований я бы назвала работы британского исследователя Д. Ливена. Мне особенно интересной показалась его статья о российской историографии, где он указал на ряд существенных наших недостатков, которые, очевидно, бросаются в глаза человеку со стороны. Он справедливо указал на то, что российские историки «заикнулись» исключительно на описании военных действий и исключительно русско-французских. Мы игнорируем политические, экономические проблемы; в нашей историографии непопулярны мнения и интересы третьих сторон: Великобритании, Голландии, Испании, Португалии и др. Это препятствует созданию сбалансированного научного взгляда на события в Европе 1813–1814 гг. Мы так и не смогли провести объективный анализ вклада России в «Большую европейскую войну». Сравнительно недавно к теме взаимоотношений России и Великобритании в этот период обратился А.А. Орлов⁵⁸. Его книга расширила горизонт исследований, позволив взглянуть на события эпохи под другим углом.

В нашей историографии и по сей день бытует мнение, что в Наполеоновскую эпоху Россия упустила великолепную возможность покончить с влиянием алчной Британии, заключив выгодный экономический союз с Францией. При этом авторы ссылаются на очень основательную монографию Е.В. Тарле «Континентальная блокада»⁵⁹. Внимательно перечитав ее, мне так и не удалось обнаружить того, что подразумевают современные апологеты союза с Наполеоном. Приведенные в книге данные показывают, что разрыв русско-британской торговли после Тильзитского мира нанес удар не только по русской экономике, но и по французской: россияне должны были продавать свой товар англичанам, чтобы иметь деньги для приобретения товаров во Франции. Это и есть главный вывод монографии.

Безусловно, историки должны работать вместе, потому что только так мы сможем избавиться от ошибок и односторонних суждений. Массовое издание в России в последние годы французских источников (без комментариев) привело к удивительному историографическому явлению: многие мои коллеги стали смотреть на события

⁵⁷ Хартли Д.М. Александр I. Ростов н/Д., 1998.

⁵⁸ Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. СПб., 2005.

⁵⁹ Тарле Е.В. Континентальная блокада. М., 1913.

тех лет глазами «ветеранов Великой армии». Это неудивительно, приняв во внимание традиции нашей культуры, где французам отводилось особое место. Но, как отметил Э. Вовси, волей-неволей теперь мы все говорим по-английски. Наши дети вместо романов А. Дюма с удовольствием читают «День гнева» А. Переса Реверте, «Хорнблауэра» С.С. Форестера и «Стрелка Шарпа» Б. Корнуэлла. А это уже совсем другой поворот общественного запроса к историку, который не существует вне общества.

Промыслов Н.В.⁶⁰ Мне хотелось бы обратить внимание собравшихся на значение изучения представлений народов друг о друге. Основы современного западного общества во многом были заложены в ходе модернизации, развернувшейся в Европе с конца XVIII – начала XIX в., когда начинался процесс формирования европейских наций. Именно тогда, с одной стороны, наметился рост влияния широких слоев общества на внешнюю и внутреннюю политику государств, с другой – отчетливо проявилось стремление правительств управлять общественным мнением, чтобы обеспечить широкую поддержку своим действиям. В частности, для идеологического обоснования тех или иных внешнеполитических акций государственная пропаганда старалась целенаправленно формировать в общественном мнении образ тех народов, в отношении которых подобные акции предпринимались.

Для формирования национального самосознания важную роль играет противопоставление «свой – чужой». Граница между «своими» и «чужими» не является постоянной, но меняется в процессе исторического развития. Контакты с другими культурами приводят к изменению этой границы и всякий раз новому определению собственной культуры. Для европейцев важным конституирующим «другим» в силу ряда причин стала Россия.

В последние десятилетия все больше исследователей обращают внимание на изучение вопросов взаимных представлений. Интерес к теме подогревали теоретические работы Э. Саида⁶¹, Б. Андерсона⁶², И. Ноймана⁶³. Основополагающей для изучения взаимных представлений европейцев об окружающих народах в XVIII–XIX вв. стала книга Л. Вульфа⁶⁴, освещающая эпоху до начала Французской революции. Для изучения образа России до сих пор не потеряли своего значения

⁶⁰ Николай Владимирович Промыслов, младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

⁶¹ Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. М., 2006.

⁶² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

⁶³ Нойман И. Использование Другого. М., 2004.

⁶⁴ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.

классические труды А. Лортолари⁶⁵, занимавшегося в основном эпохой Просвещения, и Ш. Корбе⁶⁶, который начал свой труд с небольшого обзора Наполеоновской эпохи, сконцентрировавшись затем на франко-российских отношениях от Реставрации до заключения союза между двумя странами в 1890-х гг. Из отечественных работ назову книгу С.А. Мезина⁶⁷, которая хотя и посвящена в первую очередь восприятию в Европе Петра I и его эпохи, но затрагивает и реалии рубежа XVIII–XIX вв., в частности историю «Завещания Петра Великого».

Эпоха Революционных и Наполеоновских войн имеет особое значение для изучения взаимных представлений ввиду того, что огромные массы людей из самых разных слоев общества передвигались по странам Европы и Ближнего Востока и могли воочию увидеть то, о чем раньше лишь читали в путевых заметках и сочинениях различных философов и литераторов, авторы которых часто даже не бывали в тех странах, о которых писали. Эпоха Наполеоновских войн породила огромное количество сочинений, прямо или косвенно посвященных таким прежде малознакомым для западноевропейцев странам как Египет, Россия, Польша. Эти сочинения оказали огромное влияние на европейское общество, закрепив в исторической памяти множество стереотипов, которые продолжают жить до сих пор.

Во многих обобщающих работах по имагологии в качестве основных источников для изучения образа России используются обычно мемуарная литература или историко-публицистические труды. Напротив, пресса и источники личного происхождения часто остаются незадействованными. Огромный комплекс мемуарной литературы, оставшийся от той эпохи, безусловно предоставляет широкое поле для исследований по исторической памяти. Именно в мемуарах отразились переживания и размышления участников походов об особенностях увиденной ими страны. В то же время опора исключительно на мемуарные источники опасна. На примере «Мемуаров Р. Гийемара» В.Н. Земцов⁶⁸ продемонстрировал необходимость серьезной источниковедческой критики каждого сочинения, ибо то, что порой заявляется как беспристрастный взгляд очевидца, может оказаться на деле литературной обработкой ранее вышедших произведений.

⁶⁵ *Lortholary A. Les "philosophes" du dix-huitième siècle et la Russie: le mirage russe en France au XVIIIe siècle. P., 1951.*

⁶⁶ *Corbet Ch. L'ère de nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe. P., 1967.*

⁶⁷ *Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003.*

⁶⁸ *Земцов В.Н. Необычайные и удивительные приключения Робера Гийемара, сержанта 9-го линейного полка, или пленные французы в уральской глуши в 1812–1814 гг. // Уральский исторический вестник. 2008. № 1(18). С. 116–125.*

Изучение образа России в эпоху Наполеоновских войн в последние 10–15 лет становится все более и более популярной темой в историографии. Работы М. Губиной касаются пребывания русской армии во Франции во время первого и второго заграничного походов. В них показано влияние пропагандистских установок Первой империи на формирование стереотипов общественного сознания, а также затрагивается вопрос о живучести этих стереотипов при столкновении с реальностью⁶⁹. Изучению пропагандистских материалов и публикаций в прессе посвящены также некоторые мои статьи⁷⁰. Материалы газет и бюллетеней Великой армии позволяют проследить процесс и основные механизмы целенаправленного формирования общественного мнения, в чем император французов был непревзойденным мастером. Дополнение пропагандистских материалов источниками личного происхождения, одновременных описываемым событиям, позволяет изучить вопрос об устойчивости стереотипов при столкновении с реальностью.

Вопросам формирования исторической памяти о русской кампании 1812 г. посвящены работы В.Н. Земцова. В ряде статей и монографии описывается процесс формирования французской версии Московского пожара 1812 г.⁷¹

Все исследования по образу России в период Революционных и Наполеоновских войн касаются лишь небольших сюжетов, обобщающего же труда пока нет. Кроме того, несмотря на значимость эпохи для формирования национальных идентичностей во всех странах, прямо или косвенно вовлеченных в конфликт, большинство исследований носит явно европоцентристский характер. Изучают взгляд европейцев на Россию, Америку, Египет или Восток в целом, с разными географическими границами. Представления европейских народов друг о друге также изучаются весьма подробно. Однако до сих пор слабо изучен «обратный» взгляд. Ведь для России начало XIX в. тоже стало важным этапом формирования нации, и в этом процессе Отечественная война и Заграничные походы имели большое значение. Эти кампании стали рубежными для формирования великорусской идентичности, для которой конституирующим «другим» стали не только «далекие» страны и народы, как, например, Франция⁷², Англия и т.п., но и народы, жив-

⁶⁹ Губина М.В. Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814–1818 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2002. Вып. 2. С. 153–162.

⁷⁰ Например, Промыслов Н.В. Образ России на страницах газеты Le Moniteur Universel в 1811–1812 гг. // Россия и Франция: исторический опыт XVIII–XIX веков. М., 2008.

⁷¹ Земцов В.Н. Наполеон в Москве (Наполеон, его солдаты и Россия) // ФЕ 2006. М., 2006.; *Он же*. 1812 год. Пожар Москвы. М., 2010.

⁷² Губина М.В. Образ Франции в представлениях русских современников. По материалам их путевых записок (1814–1827) // Россия и Франция. XVIII–XX века. М., 2003. Вып. 5; *Она*

шие в Российской империи: немцы⁷³, в том числе остзейские⁷⁴, поляки, евреи, народы Кавказа и Поволжья. И тем более интересным представляется проведение сравнительного исследования по взаимным представлениям народов двух, трех и более стран друг о друге.

Смирнов А.А.⁷⁵ Я бы хотел поддержать высказанную А.В. Гордоном мысль о том, что из современных исследований исчез солдат, представитель народа. В любом музее вы увидите портреты генералов, комплексы их личных вещей. На памятниках Бородинского поля, на досках в храме Христа Спасителя – нигде нет фамилий нижних чинов, а лишь указано количество погибших. И это стало какой-то непонятной «традицией», продолжающейся независимо от политического строя страны. Сегодня, создавая в рамках Государственного исторического музея музей Отечественной войны 1812 г., мы столкнулись с этой проблемой и пытаемся хоть как-то показать солдата не только в рукопашном бою, но и чем и как жил он в быту. Мы до сих пор не знаем, как он готовил пищу, а питание – важный элемент жизни солдата. В Историческом музее стоит «походная кухня Наполеона». Но это экспериментальная кухня, которую бросили во время отступления. В широком применении походные кухни в армии официально появились только в период Русско-японской войны, причем не только в русской армии, но и во французской и в немецкой. Мы стараемся музейными средствами показать бытовую сторону жизни солдата, но это крайне трудно при почти полном отсутствии соответствующих экспонатов. Насколько успешно нам удастся решить такую задачу, сегодня ответить невозможно.

Теперь о проблематике изучения войны 1812 г. Я, может быть, недостаточно искушен в этих вопросах, но во многих работах, начиная с А.И. Михайловского-Данилевского, часто пишут: «поставили батарею на такую-то позицию, и она там что-то подавила». Но я не видел нигде анализа того, а могли ли эти орудия в принципе выполнить такую задачу. Потому что из нынешних историков – а я много работ читаю – никто не знает порядка боевого применения оружия. Тут много

жс. Франция в восприятии российских военных: эволюция стереотипов (1814–1818) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2000. Вып. 1.

⁷³ *Оболенская С.В.* Германия и немцы глазами русских (XIX век). М., 2000.

⁷⁴ *Безотосный В.М.* Национальный состав российского генералитета 1812 года // ВИ. 1999. № 7. С. 60; *Михайлова Ю.Л., Промыслов Н.В.* Прибалтийские немцы и русское общество в 1812 году: к проблеме формирования образа // Россия и Балтия. М., 2008. Вып. 5; *Ташберг Т.* Остзейский вопрос во внутренней политике России в 1806–1807 гг. // Россия и Балтия. М., 2004. Вып. 3.

⁷⁵ *Александр Александрович Смирнов, главный научный сотрудник Государственного исторического музея.*

говорили о В.Н. Земцове. Если обратить внимание на его раннюю работу о Бородинском сражении⁷⁶, то у него ни слова не было вообще об оружии. Такое впечатление, что не имело значения, сражаются ли с огнестрельным оружием или с палками в руках. Действия можно описать одинаково и в том, и в другом случае. Получается, что оружие остается в тени. Применение тактических приемов, атака колонной или построение в каре зависели от возможностей оружия, что, собственно, и определяло действия армии. А мы не интересуемся оружием и не знаем его. Происходит это, как мне кажется, от некоторых издержек гуманитарного образования, боязни любого технического устройства или механизма. Я с этим столкнулся, когда пытался музейным сотрудникам объяснять калибры артиллерийских орудий. Как определить калибр, если у нас его мерили в мерах массы (в фунтах), а за рубежом применяли линейные меры, то есть дюймы. Есть простейшее соотношение, выведенное еще в XVI в., но, когда я стал о нем рассказывать, мне из зала была брошена реплика: «Только, пожалуйста, без математики».

Чтобы строить объяснения тех или иных эпизодов или событий в целом, необходимо, во-первых, оценивать потенциал страны: какими техническими и экономическими ресурсами она обладала, как это влияло на вооружение ее солдат и какие возможности давало это оружие. Так, П.А. Жилин в известной работе⁷⁷ даже не говорит о том, сколько было орудий у противоборствующих армий, а приводит только численность солдат. В работе Д. Чандлера, упоминавшейся здесь, говорится, что сразу после войны, в 1815 г., англичане закупили образцы всех орудий воевавших государств, провели их практические испытания у себя на полигоне и составили таблицу эффективности орудий. Эти материалы не были секретными, они опубликованы, однако Чандлер закрыл на них глаза, оценивая возможности артиллерии сторон.

Я согласен с тем, что при описании событий войны 1812 г. надо учитывать различные источники. Но мы вот говорим об издании французами переписки Наполеона, а у нас самих нет даже издания всех писем Кутузова, а есть лишь отдельные из них в переводах, поскольку он часто писал на немецком и французском языках. Но когда сопоставляешь эти переводы, получаются разные тексты. Так что хоть и хочется все успеть, но только жизни на это не хватит.

Хомченко С.Н.⁷⁸ Мне в первую очередь хотелось бы сказать о

⁷⁶ Земцов В.Н. Битва при Москве-реке: Армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 1999.

⁷⁷ Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1968

⁷⁸ Сергей Назарович Хомченко, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника.

степени изученности российских архивов. Центральные, в первую очередь РГВИА, относительно хорошо изучены, но мне часто доводилось бывать и в провинциальных архивах, и там много интересных документов, в оборот не введенных. Некоторые ссылки на такие материалы встречаются в научных сборниках региональных вузов, часто в студенческих работах. Провинциальные историки, например, зачастую используют местные архивы, не зная материалов центральных архивов, в результате их работы получают несколько односторонними. Местные архивные залежи требуют более глубокого изучения на предмет поиска источников по Отечественной войне. Это относится к различным регионам Центральной России, Поволжья. Даже в Сибири есть информация по 1812 г.

Диссертацию свою я писал о военнопленных из наполеоновской армии в России⁷⁹ и много черпал информации как раз из местных архивов. Взять для примера списки пленных. По ним можно установить, кто из числа военнопленных где служил, где попал в плен, при каких обстоятельствах. Такая статистика может хорошо дополнить сведения и о крупных сражениях, и о мелких стычках в определенной местности. Вдвойне интересно, когда такие архивные данные сопоставляются с другим видом источников – мемуарами участников событий, как с той, так и с другой стороны.

В последние годы мне несколько раз доводилось отвечать на запросы людей, считающих себя потомками военнопленных. Некоторым удалось помочь, и я этому рад. Люди ищут своих предков – можно сказать, просыпается историческая память.

Что касается сотрудничества с иностранными коллегами, изучающими эпоху 1812 г., то, на мой взгляд, главная помощь, которую мы можем друг другу оказать, заключается в публикации источников, в первую очередь архивных. В ту же самую Францию просто так не съездишь за документами, а если они будут, скажем, выложены в Интернете или опубликованы в сборнике или монографии – это было бы очень хорошо. Хотелось бы также, чтобы зарубежные научные работы были представлены в виде аннотаций в нашей исторической периодике, а наши работы – в зарубежной.

Еще одним источником по истории Отечественной войны 1812 г. являются археологические находки на местах сражений. Последние 7 лет такие исследования на Бородинском поле проводятся сотрудниками Государственного исторического музея под эгидой Госу-

---

⁷⁹ См.: Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Поволжье и Приуралье в 1812 – 1814 гг. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Самара, 2007.

дарственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника. Информация постепенно накапливается. Привязывая те или иные находки к конкретному месту, уже можно делать первые выводы.

Анализируя найденные боеприпасы (пули, картечь, осколки гранат, ядра), места их скоплений, можно предполагать, кто вел огонь, по кому, откуда, в каких условиях и т.п. По находкам номерных французских пуговиц можно проследить передвижения полка на поле сражения, иногда на значительном для сражения расстоянии. Самый яркий пример такого рода находок – найденный в 2007 г. фрачный вариант Ордена Воссоединения. На Бородинском поле сражался только один человек, имевший его, – известный генерал Огюст Коленкур, погибший при штурме батареи Раевского. Соответственно там и был найден этот орден, благодаря чему место гибели Коленкура можно указать с высокой степенью точности. В других местах боев, в частности под Тарутином, тоже проходят подобные археологические раскопки. Находки позволяют уточнить и дополнить данные письменных источников.

Мне, как участнику движения исторической реконструкции, кажется, что в первую очередь деятельность таких групп хорошо популяризирует историю 1812 г., дает наглядное представление о том, как выглядели военнослужащие в ту пору, как велись боевые действия, как был организован военный быт. Особенно полезно это для детей и подростков, когда не на картинке, а что называется, живьем можно увидеть солдата той или иной армии, услышать команды на разных языках, звуки выстрелов и звон холодного оружия, понюхать пороха в прямом смысле слова. Здесь действует принцип «лучше один раз увидеть». Ну и, конечно, это прекрасная помощь преподавателям, приглашающим реконструкторов на уроки или приводящим учеников на военно-исторический праздник. Десятки тысяч людей ежегодно приезжают на Бородинское поле, чтобы увидеть живую Историю. Так что польза реконструкции, по-моему, сомнения не вызывает.

Целоруно Д.Г.⁸⁰ За последние 20 лет в отечественной историографии Отечественной войны 1812 г. и Наполеоновских войн было многое сделано. В первую очередь, был введен в научный оборот большой комплекс иностранных мемуаров, главным образом французских и немецких. Заметно чаще мы стали обращаться к работам зарубежных историков. Вместе с тем немногочисленные материалы из зарубежных архивов если и использовались российскими исследователями, то, по преимуществу, те, что опубликованы в «классических» работах французских историков XIX в.

---

⁸⁰ Дмитрий Георгиевич Целоруно, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника.

Причины тому разные: недоступность зарубежных архивов для российских исследователей по экономическим причинам, отчасти – языковой барьер и, как следствие, слабые личные контакты с зарубежными коллегами. Такое положение дел не могло не сказаться на работах отечественных историков и, в первую очередь, тех, кто занимается историей похода Великой армии в Россию в 1812 г. Нередко у исследователя возникает соблазн вместе с контекстом зарубежного источника позаимствовать и идеологию «проигравшей стороны», которая таковой себя отнюдь не считала. Здесь надо отметить попытки осмысления Наполеоновских войн современными исследователями с опорой на достижения французской историографии XIX в. и стремление опереться в своей работе на мемуары как на основной источник. Долгие годы среди российских исследователей бытовало мнение, что практически все документы Великой армии за 1812 г. погибли и в архивах, за редким исключением, не отложились. Эти заблуждения постепенно развеиваются, и сегодня очевидно, что архивы Франции хранят большое количество документов, относящихся к кампании Наполеона в России.

Хочется надеяться, что информация из зарубежных архивов будет для нас более доступна, благодаря развитию контактов с нашими зарубежными коллегами на научных конференциях, и вот на таких «круглых столах». Нельзя недооценивать и возможности Интернета как для контактов с коллегами по всему миру, так и для публикации архивных документов.

Со своей стороны, хочется обратить внимание на то, что круг научных интересов современных отечественных историков, изучающих Отечественную войну 1812 г., не ограничен только сугубо военной проблематикой: не остаются без внимания социальные и духовные аспекты жизни воинов. Появился ряд исследований, которые можно отнести к микроистории и исторической антропологии, а также к сравнительно новому исследовательскому жанру – просопографических баз данных⁸¹. Под последним подразумеваются исследования массовых источников личного происхождения с целью создания на основе их статистического анализа динамических «коллективных биографий» определенных социальных групп.

В Бородинском музее-заповеднике уже более 20 лет идет работа по созданию просопографической базы данных «Воины россий-

---

⁸¹ *Ивченко Л.Л.* Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года. М., 2008; *Мальшикин С.А.* Человек в Бородинской битве: опыт историко-антропологического исследования // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1998; *Целоруинго Д.Г.* Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения. М., 2002.

ской армии – участники Бородинского сражения». Эта база сформирована из данных формулярных списков 2264 генералов и офицеров, 2029 унтер-офицеров и 1048 рядовых солдат, таким образом, мы располагаем 5341 биографией воинов. Кроме этих развернутых сведений имеются краткие (Ф.И.О., чин, воинская часть) на еще более чем 6000 офицеров и солдат участников сражения. Все эти данные нашли отражение в научно-справочных материалах⁸².

В ходе научных исследований на основе нашей просопографической базы данных получены новые сведения о сословной структуре офицерского корпуса российской армии 1812 г. и солдатского контингента, о порядке прохождения службы, о боевом опыте, боевых отличиях, имущественном положении, возрасте, образовательном уровне, семейном положении генералов, офицеров и солдат. В наших исследованиях использованы методологические подходы исторической антропологии и микроистории. Так, на основании обработки данных был получен усредненный социально-антропологический портрет русского рядового солдата 1812 г. Микроисторический подход помог обоснованно распространить наши выводы, полученные в ходе обработки базы данных «Воины российской армии – участники Бородинского сражения», на всю русскую армию 1812 г.

В литературе высказывается мысль, что в исследованиях, выполненных на основе просопографических баз данных, стало возможным преодоление «кризиса исторической науки». Постепенно и не только с помощью просопографических баз данных, а с применением также и более сложных методов, как, например, математическое моделирование исторических процессов, будет преодолено давнее отставание методического инструментария исторической науки от естественных наук, но это проблема всей исторической науки XXI в.

Шейн И.А.⁸³ При общем положительном впечатлении, которое оставляют комментарии В.Н. Земцова к докладу Э.М. Вовси, хотелось бы высказать возражение по поводу его обобщающего тезиса о том, что «неполезность» работы историографа явно перевешивает «пользу». Это положение исследователь аргументирует тщетностью тех «указаний на перспективу», которые строятся на основе историографических работ. По его утверждению, каждый из «практикующих» историков вырабатывает свой собственный исследовательский метод, более или менее органично связанный с уровнем его квалификации, профессио-

⁸² *Безотосный В.М., Целорунго Д.Г.* Бородино. Русское поле. Русские полки. Русские офицеры. М., 2010.

⁸³ *Игорь Александрович Шейн, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Военного университета МО РФ.*

нальной и гражданской честности, характером миросозерцания и материальными возможностями.

С одной стороны, это действительно так. Но, с другой, – логика подобных рассуждений о «неполезности» работы историографа ведет к тому, что любой низкопробный опус может быть причислен к научному исследованию, ибо выбранный «недоучившимися, но очень амбициозными халтурщиками» «исследовательский» метод законен и оправдан, поскольку он соответствует их низкой «профессиональной квалификации», не говоря уже о сомнительной «профессиональной и гражданской честности».

Иными словами, из рассуждений В.Н. Земцова напрашивается вывод: любую «околонаучную продукцию» можно и даже нужно оставлять вне критики. Но почему же тогда время от времени в периодической печати вспыхивают «войны перьев», в которых дискутирующие стороны зачастую весьма эмоционально ищут друг у друга «кладезь ошибок» методологического, историографического и конкретно-исторического характера? И зачем тогда В.Н. Земцову благодарить А.И. Попова, пытающегося в «свободный часок» «поставить на место грюнбергов и хлесткиных, которых, по мере приближения юбилейных торжеств, становится все больше и больше»?

В данном контексте уместно привести высказывание известного военного историка второй половины XIX в. Г.А. Леера, сделанное по другому поводу, но созвучное предмету настоящей дискуссии: «Без критического отношения к изучению факта военная история обращается в балласт, пригодный только для засорения голов. Только благодаря здоровой и разумной критике военная история и делается лучшей школой для изучения военного дела»⁸⁴. Это образное утверждение можно отнести и к историографическим исследованиям.

Кстати сам В.Н. Земцов отнюдь не отрицает и вполне принимает, как следует из его текста, общеизвестный постулат: без историографии, без критического изучения уже созданного массива литературы нельзя двигаться вперед. Именно поэтому он считает, что заниматься историографией *полезно*. К этому добавим: и *важно*, в первую очередь для развития самой исторической науки.

Справедливости ради заметим: даже самое обстоятельное произведение в свете научной критики вряд ли останется идеальным и в нем при желании всегда можно отыскать серьезные недостатки. Все зависит от цели, которую ставит перед собой оппонент, и от его методологического подхода. Но далеко не каждый историк готов принять на

---

⁸⁴ Леер Г.А. Стратегия: тактика театра военных действий. СПб., 1896. Ч. 1. С. 91.

себя неблагодарную, но необходимую роль «дезинфицирующего начала» в современной историографии, увеличивая своими критическими статьями количество недругов, в том числе и из бывших друзей⁸⁵. В этом отношении В.Н. Земцов, говоря об опасности занятий историографией, безусловно, прав.

О повышении значимости и актуальности историографических исследований для современной научной практики можно говорить хотя бы в связи с их резким количественным ростом за прошедшее двадцатилетие. После памятного «круглого стола» 1992 г. в редакции журнала «Родина», на котором обсуждались наиболее дискуссионные вопросы изучения истории наполеоновского нашествия на Россию, историографическое направление, к этому времени уже четко обозначившееся, стало одним из основных в научных исследованиях.

Дискуссия была подготовлена полемикой вокруг критических статей Н.А. Троицкого о работах ведущих советских исследователей Отечественной войны 1812 г. Он же одним из первых провел «фронтальное» исследование отечественной историографии темы от ее зарождения до «перестроечных времен»⁸⁶. Именно тогда саратовский историк остро поставил вопрос о необходимости дальнейшей борьбы за преодоление субъективистских взглядов, «которые... от многократного повторения приобретали силу научной традиции». Причем критический анализ господствовавшей концепции ученых сопровождал утверждением альтернативных точек зрения, отражавших общую тенденцию к пересмотру официальной концепции войны 1812 г.

Однако методологически научная деятельность Н.А. Троицкого оставалась ориентированной на марксистско-ленинские подходы к освещению темы, которые, по его мнению, требовали лишь новой интерпретации. По этой причине сам Н.А. Троицкий подвергался критике, в некоторых случаях достаточно острой, со стороны наиболее радикально настроенных ученых «новой волны», выступавших не только за устранение очевидных «ляпов» советской историографии, но и за пересмотр всего методологического фундамента изучения наполеоновского нашествия на Россию⁸⁷.

Вслед за Н.А. Троицким комплексное изучение историографии

⁸⁵ См.: *Троицкий Н.А.* Современная историография Отечественной войны 1812 г.: новое в научной полемике и этике // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 г. Саратов, 2002. С. 87.

⁸⁶ См.: *Троицкий Н.А.* Отечественная война 1812 года: история темы. Саратов, 1991.

⁸⁷ См.: *Безотосный В.М.* [Рец. на:] Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. Изд-во Саратовского ун-та, 1991 // Отечественная история. 1993. № 2; *Потов А.И.* [Рец. на:] Троицкий Н.А. 1812 Великий год России. М.: Изд-во Омега, 2007 // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара, 2008. Т. 10. № 4. С. 1300–1306.

Отечественной войны 1812 г. за весь период ее существования в какой-то степени было продолжено и автором настоящего выступления. Результатом научных поисков, сопряженных с активным изучением комплекса архивных документов, стала монография⁸⁸, которая вышла небольшим тиражом в 100 экземпляров и разошлась преимущественно среди специалистов, но не вызвала каких-либо официальных откликов в научном сообществе. Защищенная же через год по этой проблеме докторская диссертация⁸⁹ получила положительную оценку в ВАК Министерства образования РФ, хотя особо указывалось на мнение рецензентов о том, что «еще рано говорить о разрушении устоявшейся исторической концепции нашествия Наполеона на Россию...»⁹⁰.

В обобщенном виде основные вехи развития отечественной и зарубежной историографии осветили В.П. Тотфалушин и В.Н. Земцов в соответствующей статье энциклопедии об Отечественной войне 1812 г.⁹¹ Среди новейших работ, посвященных особенностям развития историографии темы в целом, ее достижениям и недостаткам на современном этапе, можно отметить кандидатскую диссертацию Л.И. Агронова, а также статьи В.М. Безотосного и В.Н. Земцова⁹². В начале XXI в. продолжалась активная историографическая разработка отдельных аспектов истории Отечественной войны 1812 г. в кандидатских диссертациях Т.А. Лепешинской, М.Г. Лобачковой, А.И. Прохоровской, ряде статей А.В. Горбунова, Л.Л. Ивченко и других⁹³.

⁸⁸ *Шеин И.А.* Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2002.

⁸⁹ См.: *Шеин И.А.* Отечественная война 1812 года: историография проблемы. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003.

⁹⁰ *Шеин И.А.* «Отечественная война 1812 г.: историография проблемы» // Бюллетень ВАК. 2004. № 2. С. 13.

⁹¹ См.: *Тотфалушин В.П., Земцов В.Н.* Историография // Отечественная война: Энциклопедия. М., 2004.

⁹² *Агронов Л.И.* Постсоветская российская историография Отечественной войны 1812 года. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; *Безотосный В.М.* О путях развития современной историографии Отечественной войны 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. 4. М., 2005. Вып. 147. С. 294–311; *Земцов В.Н.* Историография Отечественной войны 1812 года: 200 лет поиска истины // IMAGINES MUNDI: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. Екатеринбург, 2010. Вып. 4. № 7.

⁹³ *Лепешинская Т.А.* Роман Л.Н. Толстого «Война и мир» как исторический источник в изображении событий Отечественной войны 1812 г. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006; *Лобачкова М.Г.* Образ Наполеона Бонапарта в русской публицистике. 1799–1815 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007; *Прохоровская А.И.* Военно-политическая деятельность Александра I в период борьбы с наполеоновской Францией (1804–1816 гг.): историографическое исследование. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; *Горбунов А.В.* Бородинское сражение в новейшей отечественной историографии (1989–1999 годы) // Воинский подвиг защитников Отечества: Традиции, преемственность, новации. Ч. 2. Вологда, 2000; *Ивченко Л.Л.* Историография Бородинского сражения // Там же; *Она же.* Актуальные вопросы изучения Бородинского сражения в современной отечественной историографии // Бородино и наполеоновские войны. Битвы. Поля сражений. Мемориалы. М., 2003.

Последнее десятилетие отмечено появлением капитальных научных работ, выполненных на стыке смежных исторических дисциплин. В частности, речь идет о кандидатской диссертации и изданной на ее основе монографии Л.Л. Ивченко⁹⁴. Ее исследование, построенное на критическом историографическом и источниковедческом анализе литературы и источников, свидетельствует о том, что в бородинской проблематике остается еще немало спорных и запутанных вопросов. Л.Л. Ивченко предприняла попытку существенно скорректировать общепринятые представления о планах Кутузова, подготовке русской армии к битве и хронологии сражения. По основательности проведенного научного анализа эту работу сегодня можно признать одной из наиболее значимых в отечественной историографии.

Практически новое направление в изучении историографии Отечественной войны 1812 г. открыл В.Н. Земцов своими аналитическими работами о зарубежной исторической науке⁹⁵. Они наглядно показывают важность и необходимость координации усилий российских и зарубежных ученых в изучении Наполеоновских войн.

Если говорить о достижениях современной российской историографии войны 1812 г., то главное из них состоит не только в том, что в 90-х гг. были опровергнуты многочисленные мифы «эпохи 12-го года», но и в том, что у большинства серьезных исследователей темы сформировалось понимание недопустимости всеобъемлющего нигилистически-пренебрежительного отношения к трудам предшествующих поколений отечественных, а также зарубежных ученых.

В целом историографическое направление является наиболее перспективным в современных научных исследованиях. Об этом, например, свидетельствует недостаточная историографическая разработанность темы полководческой деятельности М.И. Кутузова, которая сегодня вызывает ожесточенные споры среди историков. Малоизученной остается историография зарубежных походов русской армии 1813–1814 гг. Огромный пласт литературы посвящен наполеоновской проблематике, на базе которой можно написать не одну историографическую работу. Перечень актуальных и перспективных для изучения тем можно было бы продолжить. Несомненно одно: без историографических исследований нельзя не только оценить уровень достигнутого

---

⁹⁴ *Ивченко Л.Л.* Бородинское сражение: историография, источники, проблемы исторической реконструкции: дис. ... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2005; *Она же.* Бородинское сражение: история русской версии событий. М., 2009.

⁹⁵ Список работ В.Н. Земцова см. выше в сноске 28.

научного знания, но и определить перспективы его дальнейшего развития. Даже поэтому «польза» от работы историографа явно перевешивает ее «неполезность»!

Чудинов А.В. (председатель). Если суммировать прозвучавшие здесь мнения, то, как я понял, большинство участников «круглого стола» связывает перспективы дальнейшего развития российской историографии войны 1812 г. с движением по следующим направлениям: а) введение в оборот новых источников, прежде всего западноевропейского и, в частности, французского происхождения; б) диверсификация применяемых методов исследования за счет привлечения научного инструментария исторической антропологии, микроистории, археологии и междисциплинарных подходов; в) расширение тематики исследований с выходом за пределы сугубо военно-исторических штудий и включение в нее политических, социальных, культурных и иных аспектов эпохи; г) развитие международного сотрудничества в разработке соответствующей тематики. Позволю себе высказать некоторые соображения по каждому из этих пунктов.

а) Еще совсем недавно, каких-то два десятилетия назад, документы из зарубежных архивов были практически недоступны для наших ученых, из-за чего им приходилось в своих разысканиях рассчитывать только на отечественные фонды. Сейчас ситуация в корне изменилась. Если большинство российских архивов продолжает работать по старинке: дела надо заказывать за несколько дней, отдельные фонды нередко закрываются под достаточно произвольными предлогами, копирование документов разрешается в ограниченном количестве (ежели вообще разрешается) и за высокую плату, – то на Западе, и прежде всего во Франции, за последние годы произошла настоящая революция в архивном деле. Теперь, придя, скажем, в Национальный архив Франции, в Военный архив в Венсенне или Архив МИДа в Курнёве, вы имеете право совершенно *бесплатно* снять на цифровой фотоаппарат столько документов, сколько успеете за рабочий день. При определенной сноровке в день можно сделать до 1,5 тысячи снимков. А поскольку доставка заказанных дел производится примерно в течение часа, такую фотосъемку можно осуществлять практически непрерывно. Иными словами, материалы зарубежных архивов сейчас стали, благодаря современным технологиям, доступны для наших исследователей в гораздо большем объеме, чем архивов отечественных. Поэтому я призываю коллег не ждать от наших зарубежных партнеров «милостей» в виде новых публикаций, а самим стать кузнецами своего счастья. Не исключаю, что кто-то скажет: «Ну да, за морем телушка по-

лушка...», но только как туда добраться? Поверьте, существующая система грантов российских научных фондов и французских институтов (посольства, Франко-российского центра общественных и гуманитарных наук, Дома наук о человеке и др.) предоставляет теперь достаточно возможностей для таких поездок.

б) Расширение диапазона применяемых методов исследования позволяет порой историку проникнуть в такие сферы миновавшего, которые ранее выглядели совершенно непроницаемыми. Здесь уже говорилось о том, что хорошо бы узнать, как воспринимали Отечественную войну 1812 г. рядовые солдаты и крестьяне – те, в основном неграмотные, социальные слои, что не оставили после себя массовых письменных источников. Заинтересовавшись этим вопросом и имея перед собой многочисленные примеры изучения менталитета «безмолвствующего большинства» эпохи Средневековья, предпринятые российскими и французскими специалистами по исторической антропологии, я обратился к русскому фольклору о войне 1812 г. Результаты этого исследования не позволяют мне разделить выраженный здесь А.В. Гордоном скептицизм относительно некоторых аспектов освещения Отечественной войны дореволюционной и советской историографией. Нравится нам это или нет, но фольклорная традиция изображала французов в полном соответствии с архетипом неприятеля, существовавшим в народном сознании еще с глубокой древности, а именно – как *врага православия* («веры христианской») и *разорителя* Русской земли⁹⁶. Если судить о восприятии той войны народом не по утверждениям представителей образованной элиты, пусть даже таких выдающихся, как Герцен и Лермонтов, а дать слово самому народу, то мы увидим, что едва ли не в каждом фольклорном произведении о 1812 г. звучит мотив религиозного противостояния, вроде:

Не бывать тебе, злодею,
В нашей каменной Москве.
Не снимать тебе, злодею,
*Золоты главы с крестов*⁹⁷
И т.п.

И еще задолго до того, как могла появиться «тенденция к калькированию русско-французской войны по образу тотального противо-

⁹⁶ Подробнее см.: *Tchoudinov A. L'image du Français dans le folklore russe // L'Image de l'Étranger. P., 2010.* Полностью результаты данного исследования будут опубликованы порусски в ФЕ 2012.

⁹⁷ Исторические песни XIX в. Л., 1973. С. 63.

стояния с фашизмом», народные исполнители в XIX в. пели: «Разорена путь-дорожка / От Можая до Москвы, / Разорил-те путь-дорожку / Неприятель вор-французик»⁹⁸.

Новые методы порою подтверждают старые выводы.

в) Полностью разделяя все то, что здесь говорилось о необходимости расширения поля исследований за счет политических, социальных, культурных и других аспектов, не могу не выразить беспокойства тем, что почти никто не упоминал экономическую историю. Невозможно говорить об истоках войны 1812 г., не касаясь темы влияния Континентальной блокады на Россию. На Западе история Блокады, или, как ее еще называют, Континентальной системы, активно разрабатывалась во второй половине XX в. как на общеевропейском, так и на локальном уровне⁹⁹. В настоящее время 200-летие Континентальной блокады вызвало новый всплеск научного интереса к ней: только в этом году в Амстердаме пройдут две посвященные ей международные конференции. У нас же до сих пор наиболее солидными работами по данной теме остаются вышедшая уже почти век назад монография Е.В. Тарле и выполненное еще в 30-х гг. исследование М.Ф. Злотникова, первый том которого увидел свет лишь в 1966 г.¹⁰⁰, а второй до сих пор лежит в архиве.

Иными словами, в изучении экономических предпосылок Отечественной войны 1812 г. наша историография (речь не идет об исторической публицистике), к сожалению, пребывает в неподвижности уже многие десятки лет.

г) Что же касается международного сотрудничества, то здесь я просто хотел бы анонсировать международную конференцию «Отечественная война 1812 г. в контексте мировой истории» с участием ведущих зарубежных специалистов, которую ИВИ планирует провести в октябре 2012 г.

Надеюсь, сегодняшняя встреча за «круглым столом» не станет последней, и мы еще с вами соберемся, чтобы обсудить совместные усилия по изучению этой, столь дорогой для нас и столь интересной тематики.

⁹⁸ Там же. С. 64-65.

⁹⁹ См., например: *Crouzet F.* L'économie britannique et le blocus continental, 1806–1813. P., 1958. 2 vols.; *Duman M.* L'Italie et le système continental // *Revue de l'Institut Napoléon.* 1965. T. 96; *Ellis G.* Napoleon's Continental Blockade: The Case of Alsace. Oxford, 1981; *Marzagalli S.* «Les boulevards de la fraude». Le négoce maritime et le Blocus continental, 1806–1813. Bordeaux, Ham-bourg, Livourne. Villeneuve d'Ascq, 1999.

¹⁰⁰ *Злотников М.Ф.* Континентальная блокада и Россия. М., 1966.